

ISSN 2221-3260

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1 2011

www.theoreticaleconomy.info

ЖУРНАЛ «ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА»

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации Эл № ФС77-42625 от 11 ноября 2010 г.

Учредитель журнала:

Ярославский государственный технический университет

Журнал издается с 2011 года, выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Гордеев В.А. (Ярославль, Россия)

Заместитель главного редактора

Родина Г.А. (Ярославль, Россия)

Члены редакционной коллегии

Алиев У.Ж. (Астана, Казахстан)

Бабаев Б.Д. (Иваново, Россия)

Лемещенко П.С. (Минск, Беларусь)

Малахова Н.Б. (Харьков, Украина)

Корняков В.И. (Ярославль, Россия)

Ответственный секретарь

Туманов Д.В. (Ярославль, Россия)

Адрес редакции:

150023, г. Ярославль, Московский проспект, 88, Г-333

Телефон: (4852) 44-12-50

Сайт: www.theoreticaleconomy.info

e-mail: vagordeev@rambler.ru

Содержание

РУБРИКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Гордеев В.А. О журнале..... 4

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Алиев У.Ж. Что такое и почему именно теоретическая экономика?..... 10

Лемещенко П.С. Теоретическая экономика: истоки, предмет, методология..... 17

Корняков В.И. Экономика и разум..... 35

Гордеев В.А., Шкиотов С.В. Риски несовершенной конкуренции в условиях глобализации 42

Стомпелева Е.С. Актуальные проблемы экономической и правовой собственности в корпоративных отношениях 49

МОДЕРНИЗАЦИЯ: ТЕОРЕТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Гордеев В.А. Модернизация хозяйства Российской Федерации: экономико-теоретический аспект..... 54

РЕЦЕНЗИИ

Бабаев Б.Д. Рецензия на книгу Гордеева В.А., Корнякова В.И. Теоретические основы собственности 61

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО-ЭКОНОМИСТА

Тяжов А.И. Школа жизни беззаветного служения экономической науке (к юбилею доктора экономических наук, профессора Маргариты Беркович) 64

О ЖУРНАЛЕ

Гордеев Валерий Александрович

доктор экономических наук, профессор. Ярославский государственный технический университет, заведующий кафедрой экономической теории
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: vagordeev@rambler.ru

Уважаемый читатель!

Перед Вами первый номер электронного периодического издания Ярославского государственного технического университета – журнала «Теоретическая экономика». Этот журнал зарегистрирован в Федеральной службе РФ по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций и Международном центре ISSN, включен в Российский индекс научного цитирования. Электронная версия журнала размещена на собственной интернет-платформе www.theoreticaleconomy.info.

Цель нашего научного журнала – передача знаний и опыта, накопленного мировым сообществом, научными школами и отдельными учеными в области теоретической экономики, выработка новых теоретико-экономических знаний, имеющих практическую значимость для социально-экономического развития России и других стран.

Журнал открыт по инициативе кафедры экономической теории ЯГТУ, поэтому главным редактором является заведующий этой кафедрой, доктор экономических наук, профессор Гордеев Валерий Александрович, действительный член Академии философии хозяйства и Философско-экономического собрания МГУ им. М.В. Ломоносова, победитель конкурса на лучшую научно-исследовательскую работу среди преподавателей вузов Ярославской области в номинации «Гуманитарные науки». Мой электронный адрес – vagordeev@rambler.ru.

Заместитель главного редактора – профессор нашей кафедры и одновременно директор филиала в г. Ярославле Всероссийского заочного финансово-экономического института Галина Алексеевна Родина, доктор экономических наук, тоже профессор и действительный член Академии философии хозяйства и Философско-экономического ученого собрания. Адрес электронной почты Галины Алексеевны – galinarodina@mail.ru.

Ответственный секретарь редакции журнала – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории Ярославского государственного технического университета, докторант Дмитрий Валерьевич Туманов. Его адрес электронной почты – dvt-yar@mail.ru.

Членом редакционной коллегии является профессор нашей кафедры, доктор экономических наук Василий Иванович Корняков, одновременно являющийся членом редакционного совета альманаха «Философия хозяйства» экономического факультета и центра общественных наук МГУ им. М.В. Ломоносова, действительным членом Академии философии хозяйства и Философско-экономического ученого собрания. В данном номере в рубрике «Актуальные проблемы теоретической экономики» мы начинаем знакомить Вас с работой Василия Ивановича «Экономика и разум».

Мы считаем необходимым заметить, уважаемый читатель, что на основе исследовательских концепций докторов экономических наук В.А. Гордеева, В.И. Корнякова, Г.А. Родиной и других ученых на кафедре экономической теории Ярославского государственного технического университета

Журнал «Теоретическая экономика» №1, 2011

университета сложилась получившая широкую известность в РФ и за рубежом научная школа.

Основные результаты исследований состязательных отношений в экономике, проведённых В.А. Гордеевым, подробнее всего опубликованы в монографии «Конкуренция и её развитие», изданной ЯГТУ в 2008 году совместно с Центром общественных наук и Философско-экономическим собранием МГУ. Сводятся они к следующему.

Во-первых, важен сам факт создания новой политэкономической теории современной конкуренции и её развития, определяемой как производственное отношение предприятий, которое характеризуется объективным взаимодействием соперничества и сотрудничества с целью достижения наилучших индивидуальных и совместных результатов. Акцент внимания на предприятие обусловлен тем, что именно здесь происходят главные трансформации в XX-XXI вв. А именно: при укрупнении агентов в результате конкуренции их корыстный интерес толкает теперь не только к обострению конкурентной борьбы, но и к сотрудничеству, долговременным договорным связям, планомерности. В объективном взаимодействии двух противоположных тенденций состоит модификация современной конкуренции по сравнению с домонополистическим периодом «классического» рынка. При этом особенность авторского подхода проявилась в том, что каузальный, причинно-следственный принцип исследования, присущий классической методологии и применённый при изучении сущностно-содержательной стороны конкуренции, был дополнен принципом количественных, функциональных взаимозависимостей, присущим неоклассическому направлению и использованным в данном случае при структурной характеристике конкуренции со стороны её экономической формы.

Другой аспект заключается во введении в научный оборот в новом качестве категории «экономическое соревнование». Оно определено как производственное отношение между субъектами, объективно направленное на регулирование соотношения совместного и индивидуального результатов. Реализуется экономическое соревнование в таких направлениях, как состязательность индивидов в кооперированном труде и конкуренция предприятий в условиях рынка. Между этими двумя направлениями, несмотря на разные ареалы их применения (производство и обмен), существует объективная и диалектически противоречивая взаимосвязь.

Следующий важный элемент заключается в установлении того, что особенности двух направлений экономического соревнования и их эволюция в значительной степени определяют и развитие социально-экономических процессов, и теоретико-методологические основы научных исследований конкуренции. Помимо обобщения и модификации известных методологических принципов (плюрализм подходов, системный, сравнительный и многоуровневый анализ) разработаны и использованы новые. Ключевым из них стало обоснование объективного взаимодействия в динамике современной конкуренции двух противоположных сторон: соперничества и сотрудничества.

Кроме того, на основе осуществления системно-эволюционного, системно-структурного и системно-функционального анализа предмета раскрыта сущность конкуренции как конкретно-исторического направления общеисторических отношений экономического соревнования применительно к хозяйствующим субъектам в условиях рынка, как механизма реализации объективных экономических законов и производственных отношений.

Ещё один важный элемент проведённого исследования заключается в доказательстве того, что объективное взаимодействие двух противоположных сторон в современной конкуренции может проявляться в реальности в виде одной из следующих трёх ситуаций:

- преобладание соперничества (в домонополистическом капитализме; между мелкими субъектами; при атомистическом рынке; при инновационных видах бизнеса);

- преобладание сотрудничества (в экономике 20-21 вв.; между крупными субъектами; при олигополистическом рынке; при традиционных видах бизнеса);
- баланс сотрудничества и соперничества (временное и неустойчивое состояние – до очередного изменения соотношения конкурентных возможностей субъектов).

Важный аспект проведённого исследования – установление, что отношения сотрудничества как одна из взаимодействующих сторон современной конкуренции строятся на основе, во-первых, укрупнения субъектов и сокращения их количества в результате монополизации, развития транснациональных корпораций, интеграции, а во-вторых, международной кооперации капитала, долговременных договорных связей, плановности. При этом в обоих случаях эти отношения носят объективный характер и вызваны объективной причиной – дополнительной выгодой для субъектов от реализации указанных процессов.

Следующий элемент проведённого исследования – обоснование того, что вторая из взаимодействующих сторон современной конкуренции – соперничество (обострение конкурентной борьбы) обусловлено, во-первых, усилением интенсивности конкурентных межкорпоративных конфликтов, а во-вторых, сохранением анклавов конкурентных отношений (например, в сфере малого бизнеса). Эти процессы тоже носят объективный характер и вызваны объективными причинами.

Наконец, существенный элемент заключается в выдвижении дополнительных аргументов для характеристики специфики эволюции конкурентных отношений в сегодняшней экономике РФ. Унаследование последней от советской экономики сверхконцерна, охватывающего всё народное хозяйство, а потом разрыв такой единой целостной общехозяйственной структуры не могли создать конкурентной среды. Специфика РФ заключается в объективном значительном опережении среднемировых темпов «угасания» конкуренции и усиления монополизма.

Таковы основные результаты проведённого исследования. Их практическая значимость заключается в возможности использования, во-первых, в процессе дальнейшей разработки экономической теории конкуренции и трудовой состоятельности; во-вторых, в концептуальном обосновании макроэкономической политики по отношению к состязательным процессам, соответствующей современным условиям и задачам модернизации отечественной экономики; в-третьих, в обосновании целей и прогнозировании результатов социально-экономического развития вследствие динамики соревновательных отношений; в-четвёртых, в определении соревновательных факторов, которые должны стать объектом постоянного мониторинга и которые способствуют или препятствуют превращению экономики России в конкурентоспособную по меркам постиндустриального общества.

Из вывода о взаимодействии двух сторон в динамике современной конкуренции вытекают предложения для сегодняшней России, которые формулируются как планово-рыночная модель. Если реформы, основанные на абсолютизации неоклассического, либерального представления о восходящем развитии сегодняшней конкуренции, привели Россию к превращению в сырьевой придаток развитых стран, то предложенная модель, учитывающая взаимодействие обеих сторон в динамике современной конкуренции, предназначена для модернизации экономики страны, возвращения её в разряд развитых государств.

Вопреки внедрившейся в РФ практике, следует, чтобы именно государство стало главным субъектом, формирующим конкурентную среду и постоянно развивающим её в целях поддержания конкурентоспособности товаропроизводителей как на внутреннем, так и на внешнем рынках. А главное – объединение усилий государства, менеджмента крупных предприятий и профсоюзов должно быть направлено на согласование цен, инвестиций и зарплаты на уровне народнохозяйственной сбалансированности. А в итоге – на остановку технического регресса

экономики и начало модернизации производства. В отношении к развитию экономического соревнования государству надо не абсолютизировать значение антимонопольной политики, не ограничиваться только ею: следует возвратиться, например, к политике стимулирования трудовой состоятельности. В том числе и в частной сфере, где собственник-работодатель должен быть поставлен государством перед необходимостью обеспечить подлинно состязательные отношения участников кооперированного труда, направленные на повышение количества и качества результатов последнего и включающие товарищескую взаимопомощь как важнейшую составляющую.

Концепция В.А. Гордеева о конкуренции и её развитии позволяет выявить механизм для реализации теории потоковой экономики, выдвинутой В.И. Корняковым. Последний, во-первых, последовательно на протяжении десятилетий исследует общественный труд в аспекте той его двойственности, которая предстаёт результатами (это одна сторона единого процесса труда) и затратами (другая его сторона). Полученные положения введены им в исследования обеих других групп проблем.

Во-вторых, он усмотрел во всяком отдельном году классических схем реализации спрессованную в нём многолетнюю последовательность затрат-результатов всего общественного воспроизводства, развернул её в теоретических многолетних схемах, благодаря чему выявил новые, неизвестные науке зависимости общественного воспроизводства и его особые образования («объёмные структуры»). Одно из этих образований он считает объективным прообразом эффективности общественного воспроизводства, поисковыми разработками которой занято немало исследователей. В.И. Корняков полагает, что со временем выявленные им зависимости предстанут используемыми в практике экономическими инструментами и сыграют немаловажную роль в совершенствовании реальной экономики.

В-третьих, с опорой, в значительной мере, на свои ранее полученные результаты, им разрабатывается концепция потоковой экономики динамической ренты, – антиинфляционной экономики снижающихся цен. В.И. Корняков доказывает, что трансформация российской (как и любой другой) экономики в экономику динамической ренты в состоянии обеспечить увеличение отдачи от повышения производительности труда на порядок, а на этой основе – народно-массовую инновационную экономику и новые соответственные экономические и социальные отношения.

Логическим дополнением к концепциям В.А. Гордеева и В.И. Корнякова выступает исследование Г.А. Родиной процессов трансформации современной экономики на основе информационно-коммуникационных технологий, специфики отношений собственности, изменения традиционных и формирования новых факторов производства в условиях новой экономики.

Продолжение разработки указанных концепций, а также диссертационных исследований докторантов нашей кафедры И.Б. Бондыревой, Р.Н. Солдатовой, Д.В. Туманова мы планируем предложить Вашему, уважаемый читатель, вниманию на страницах нашего журнала.

В составе редакционной коллегии журнала вместе с нами уважаемые ученые, с которыми нас связывает научное содружество: Алиев Урак Жолмурзаевич, доктор экономических наук, профессор, вице-президент образовательной корпорации «Туран» (г. Астана, Республика Казахстан); Бабаев Бронислав Дмитриевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой политической экономии Ивановского государственного университета; Лемещенко Петр Сергеевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и институциональной экономики Белорусского государственного университета (г. Минск); Малахова Наталия Борисовна, доктор экономических и кандидат философских наук, профессор, заведующая кафедрой экономической теории Харьковского национального экономического университета (Украина).

Надеюсь, уважаемый читатель, Вы соотнесли начало названия возглавляемой П.С. Лемещенко кафедры с названием нашего журнала и его главной рубрики. Заметили и принадлежность большинства из нас к Академии философии хозяйства. А у Н.Б.Малаховой в перечне её ученых степеней нашлось место философским наукам. Добавим, что у У.Ж. Алиева докторская диссертация называется: «Предмет и структура теоретической экономики», а одна из монографий – «Теоретическая экономика: общедисциплинарная модель» (2001г.). Все это имеет прямое отношение к содержанию научной проблематики, которую мы предполагаем обсудить с читателями нашего электронного журнала.

Наш журнал будет выходить шесть раз в год – один раз в два месяца. Мы приглашаем к сотрудничеству ученых всех стран, исследующих проблемы теоретической экономики – ждем Ваших статей в рубрики «Актуальные проблемы теоретической экономики» и «Модернизация хозяйства РФ: экономико-теоретический аспект». Ждем и Ваших писем с предложениями по содержанию и оптимизации структуры журнала. Мы просим аспирантов предварительно согласовывать содержание направляемых нам статей с научными руководителями, чтобы обеспечить достаточно высокий теоретический уровень публикаций, позволяющий затем обратиться в ВАК РФ с просьбой о включении нашего журнала в список изданий для соискателей докторских и кандидатских ученых степеней по специальности 08.00.01 – Экономическая теория.

При подготовке статей рекомендуем придерживаться следующей их структуры:

- постановка проблемы;
- анализ последних публикаций и исследований, нерешенная часть проблемы;
- формулировка цели статьи;
- изложение основного материала с обоснованием научных результатов;
- выводы и перспективы дальнейших исследований.

В отдельном приложении к статье просим указать:

- сведения об авторе(ах): фамилия, имя, отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, должность, место работы (место учебы), контактные телефоны, факс, e-mail, почтовый индекс и адрес;
- перевод на английский язык фамилии, инициалов автора(ов), названия статьи, места работы и адреса;
- аннотации статьи на русском и английском языках, в которых изложен научный результат (не менее пяти строк), а также ключевые слова (не менее шести) на двух языках.

Мы просим наших авторов указывать раздел журнала, в котором должна быть, по Вашему мнению, размещена статья. Максимальный объем статьи не должен превышать 1 печатный лист (то есть не более 40 тысяч знаков без пробелов).

Ссылки на цитируемую литературу приводятся в конце статьи в разделе «Литература» в соответствии с ГОСТ 7.0.5 – 2008 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления». Литература может быть расположена в порядке, соответствующем очередности появления ссылок на нее в тексте. Текст статьи необходимо представить в формате Word 2007 (2003) шрифтом Times New Roman, размером 14pt, через одинарный интервал. Форматирование должно быть произведено по ширине, все поля по 20 мм. Красные строки абзаца должны быть сделаны только абзацными отступами (а не пробелами или табуляциями). Сноски не должны находиться в конце статьи.

Разумеется, текст статьи должен быть тщательно вычитан автором, который несет ответственность

за научно-теоретический уровень статьи. Важно обратить внимание на оформление таблиц и графиков. Таблицы должны быть выполнены табличными ячейками Word. Необходимо, чтобы каждому пункту таблицы соответствовала своя ячейка. Выравнивание текста и цифр внутри ячеек необходимо выполнять только стандартными способами текстового редактора, а не с помощью пробелов, абзацев или дополнительных пустых строк. Графики, по возможности, должны быть построены в Word 2007 или Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные, связанные с рисунком). В статье не должны использоваться графические материалы сканированные, экспортированные или взятые из сети Интернет. Обязательна нумерация страниц.

Порядок рассмотрения статей, поступивших редактору или его заместителю, следующий. Статья принимается к рассмотрению при строгом соблюдении автором правил оформления. Она проходит две внутренние рецензии, которые автору не предъявляются, а имя рецензентов не разглашается. Срок рассмотрения статьи – один месяц. По окончании рассмотрения статьи автору по электронной почте отправляется решение редакции о принятии статьи к публикации или отказ. При необходимости статья может быть возвращена автору на доработку. Авторы должны вернуть исправленный вариант статьи вместе с первоначальным текстом и ответом на все замечания рецензентов. Статья, задержанная на исправлении более двух месяцев, рассматривается как вновь поступившая. Плата за публикацию не взимается.

С уважением,
В.А. Гордеев

ЧТО ТАКОЕ И ПОЧЕМУ ИМЕННО ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА?

Алиев Урак Жолмурзаевич

доктор экономических наук, профессор. Образовательная корпорация «Туран»
вице-президент, действительный член (академик) Академии философии хозяйства
г. Астана, Казахстан. E-mail: turpost@list.ru

Аннотация. В статье анализируются причины и формы кризиса современной экономической науки, а также возможность теоретической экономики стать парадигмальной основой для поиска выхода из создавшегося кризиса. Одновременно теоретическая экономика рассматривается в качестве базовой экономической дисциплиной современных экономических знаний.

Ключевые слова: теоретическая экономика; политическая экономия; экономическая теория; каталактика; базовое теоретическое ядро

Код УДК: 330.101

Annotation. In the report the reasons and forms of expression (or displays) crisis of the modern economic science are considered. The idea of «theoretical economy» as paradigmatic bases of the way out of this crisis. And simultaneously «theoretical economy» is taken as the base economic discipline of modern economic theories.

Keywords: theoretical economy; political economy; theory of economy; catallactics; basic theoretical core

Предварительно в качестве научно-дисциплинарной и парадигмальной основы современной системы экономического знания выдвигаю такую становящуюся дисциплинарную форму организации экономической науки как «**теоретическая экономика**» (теоретическая экономия), постепенно возвращающую «права гражданства» в нашем научно-образовательном пространстве [1, 2, 3, 4, 5]. При этом в выражении «**парадигмальной основы**» я делаю акцент на слово «основы», в том смысле, что «теоретическая экономика» не есть сама по себе собственно парадигма, а научная дисциплина, в предметной границе (предметном поле) которой и следует искать и формулировать предполагаемую новую теоретическую парадигму.

В начале об адекватном *терминологическом обозначении теоретической составляющей* современной экономической науки, затем об авторской концепции «теоретической экономики» как *базовой общетеоретической* научной и учебной дисциплины.

Когда-то в журнале «Общество и экономика» (№ 8, 2000 г., в рубрике «Письмо в редакцию») была опубликована статья д.э.н. Г. Шубладзе «К вопросу о терминологическом обозначении экономической теории» [6, с. 189]. В ней автор ставит вопрос о выборе адекватного наименования (в его лексике – «терминологического обозначения») экономической теории. Внешне, казалось бы, все верно и просто, но вопрос нуждается в более серьезном анализе, так как некоторые наши коллеги, к сожалению, остаются в плену расхожего рассуждения и умозаключения, как и упомянутый автор, т.е. по принципу «а не все ли равно, как это назовется».

Почему речь должна идти о «терминологическом обозначении экономической теории», а не

«базовой теоретической составляющей» нашей науки? Ведь «экономическая теория» уже есть термин, вошедший в качестве научной и образовательной специальности в некоторых постсоветских странах. А значит, автору, ставившему вопрос о «терминологическом обозначении» уже наличного термина, а именно «экономической теории» (что само по себе тавтологично) следовало бы раскрыть прежде всего смысловые недостатки самого этого термина (экономическая теория) или же серьезно обосновать его преимущества по сравнению с другими альтернативными терминами: экономикой, политической экономией, экономикс, теоретической экономикой и т.д. Вместо этого он весьма упрощенно объясняет свою позицию – оставить все же «экономическую теорию» и еще лучше – «общую экономическую теорию» в качестве наименования той же экономической теории. Эта упрощенность (хотя, заметим, вопрос об адекватном наименовании, названии, терминологическом обозначении **базовой теоретической составляющей всей системы экономических наук**, а не вовсе экономической теории, весьма важный и принципиальный) заключается в следующем.

Следует особо напомнить, что согласно «предметоведению» – *общей теории предмета* – в системе общедисциплинарной модели науки изменение названия прежней научной дисциплины (в данном случае названия «экономическая теория» вместо «политэкономии», а иногда и «экономикс») предполагает, прежде всего, научное обоснование самого этого *нового названия* науки путем определения ее *нового предмета* или же уточнения *прежнего предмета «новой»* научной дисциплины. Одно из двух: либо предмет не меняется, тогда нет надобности «огород городить», то бишь изменять название прежней науки, изучавшей и изучающей этот же предмет; либо предмет меняется (видоизменяется), тогда надо фиксировать и формулировать этот «другой» предмет, который служит онтологическим основанием выбора другого, адекватного ему (новому предмету) наименования (названия, терминологического обозначения) науки (научной дисциплины), изучающей этот «иной» предмет.

Между тем вышеупомянутый автор заявляет, что «неправомерно употреблять вместо термина «экономическая теория» термин «теоретическая экономика». Нет надобности вводить различные термины для обозначения экономической теории и вызывать разнобой в ее интерпретации [там же]. Почему нельзя использовать термин «теоретическая экономика» вместо «экономической теории», нет у него аргументированного обоснования; автор пытается это «объяснить» лишь категорическим утверждением – «нет надобности вводить различные термины». Но последнее его предостережение касается, прежде всего, самого защищаемого им же термина «экономическая теория», так как именно этот термин (точно так же и «общая экономическая теория») является самым *молодым* по сравнению со всеми другими терминами (политическая экономия, теоретическая экономика, экономикс), а значит, *в последнюю очередь* введенным в научный оборот. Следовательно, как по логике вещей, так и по логике самого автора (Г. Шубладзе) нельзя было вводить именно этот термин – «экономическая теория» в качестве наименования научной и образовательной специальности, научной, учебной дисциплины, а также кафедр, тем более, как он считает, что все они, т.е. экономика, политэкономия, экономикс, экономическая теория и т.д. «имеют одинаковую смысловую нагрузку». Вместе с тем справедливым остается вопрос: каким же именем собственным (термином, понятием, обозначением) следует назвать базовую теоретическую составляющую современной системы экономических наук? По существу вопроса выскажу следующее.

Когда мы оперируем понятием «теоретическая составляющая» экономической науки в целом, прежде всего следует иметь в виду наличие двух таких составляющих: **базовая** (фундаментальная, основная), т.е. та, что лежит в основе, основании, и **дополнительная** (частная, вспомогательная, т.е. вторичная, третичная, вообще производная от первой) теоретические составляющие. В данном же случае речь идет именно о первой теоретической составляющей – *базовом теоретическом ядре* системы экономических наук.

«Общая логика общего предмета» – общая логика хозяйственного развития человечества с древнейших времен до современности – предопределила и общую логику ее теоретической рефлексии в виде различных дисциплинарных форм познания и организации научного знания о хозяйственной деятельности людей с различной степенью зрелости и выраженности. И они назывались в разное время по-разному, как-то: *экономика* (Ксенофонт, Аристотель), *хрематистика* (Аристотель), «социальная физика» (Ибн-Хальдун, XIVв.), *камералистика* (позднесредневековая Западная Европа XVI-XIXвв.), *политическая экономия* (А. Монкретьен, 1615г.), *каталлактика* (В. Уотли, 1831г.), *экономикс* (У. Джевонс, 1871г.), «*теоретическая экономия*» (Theoretical economy). Авторство последнего еще не выяснено, хотя им оперировали многие выдающиеся экономисты XIX-XX веков. И все же есть основание считать, что именно эти три термина – экономика, политическая экономия, теоретическая экономия – поистине являются *ключевыми* понятиями, лежащими в основе всей системы прошлого и современного экономического знания как такового, и в особенности *теоретического* его компонента.

Несколько упрощая, можно сказать, что «экономика» древности и средневековья есть **синкретический** (нерасчлененный), «политическая экономия» недавнего прошлого – собственно **дисциплинарный** (расчлененный), «теоретическая экономия» современности и будущего – **проблемно-синергетический** этапы развития того же экономического, точнее, теоретико-экономического знания. И в качестве *базовой* теоретической составляющей всей современной системы экономических наук я выдвигаю именно «*теоретическую экономику*» (теоретическую экономию). Место теоретической экономии в современной системе экономических наук дано на рисунке ниже (рис. 1).

Как видно из рисунка, *базовую* составляющую образует собственно «*теоретическая экономика*» (теоретическая экономия) в единстве трех общетеоретических экономических дисциплин – «*общая экономика*», «*социальная экономия*», *каталлактика* (экономикс) [7]. А многие «новые» экономики – институциональная экономика (Инс.Э.), эволюционная экономика (Эв.Э.), экспериментальная экономика (Экс.Э.), транзитная экономика (Тр.Э.), экономика развития (ЭР), информационная экономика (Инф.Э.), сравнительная экономика (Ср.Э.), поведенческая экономика (Пов.Э.) и другие, по моему мнению, являются *частнотеоретическими* экономическими дисциплинами.

На вопрос, что же происходит с достославной политической экономией, отвечаю: никуда бесследно она не исчезает, она в богатстве своих «прелестей», граней превращается, модернизируется, перевоплощается и входит в одном случае в «*общую экономику*», в другом – в «*социальную экономию*», в третьем – в «*каталлактику*». Все они в предметном синтезе и образуют формирующуюся ныне «*теоретическую экономику*». От «теоретической экономики» постепенно «отпочковываются», отделяются частнотеоретические экономические дисциплины, как «дети от материнского лона», а «общеисторические» и «общеприкладные» экономические дисциплины, а также «конкретно-экономические» и «межпредметные» экономические дисциплины получают от нее постоянную «теоретико-методологическую подпитку», как модусы от субстанции, в одном случае, и наоборот, она сама «заряжается» от них по принципу междисциплинарного взаимодействия и «сообщающихся сосудов» – в другом.

Теперь рассмотрим такой исключительно важный вопрос о том, *почему именно «теоретическая экономика»* (или «*теоретическая экономия*»), а не «экономическая теория» (которая, казалось бы, вошла и в качестве учебной и научной дисциплины, и в качестве научной специальности – 08.00.01, и в качестве названия одноименных кафедр многих вузов стран СНГ) выступает *базовой синтетической теоретической дисциплиной*? Вначале разберемся с самими терминами «теоретическая экономика» и «экономическая теория».

Термин «теоретическая экономика» («теоретическая экономия») имеет достаточно солидный «возраст». Так, этим термином на рубеже XIX – XX веков оперировали Дж.Б. Кларк (в его работе «Распределение богатства»); К. Менгер (у него «теоретическая национальная экономия»);

Рис. 1. Место «теоретической экономики» в современной системе экономических наук

М.И. Туган-Барановский был академиком Украинской академии по специальности «теоретическая экономия»; И.А. Шумпетер использовал понятия «теоретическая экономия», «теоретическая национальная экономия», «теоретическая политическая экономия»; «теоретическая экономия» есть и у А.В. Чаянова, Е.А. Преображенского, Н.А. Вознесенского («теоретическая экономия коммунизма»). Впрочем, термин «теоретическая экономия» после издания русского перевода книги К. Менгера «Основание политической экономии» в 1901 г. стал широко используемым в научной литературе, хотя без достаточной мотивировки, не только в Западной Европе, но и в России и СССР вплоть до 40-годов XX века (до принятия решения создать учебник по политэкономии, первое издание которого вышло в 1954 г.). Небезынтересно, что в составе экономического отделения Казахстанского института марксизма-ленинизма (КИМЛ, 1931 г.) была секция под названием «Теоретическая экономика и теория советского хозяйства».

Позже в западных странах этот термин был заслонен термином «экономикс», а в странах социалистической ориентации и СССР – термином «политическая экономия», который часто употреблялся и во французских изданиях. Но что интересно, в последнее двадцатилетие термин «экономикс» наряду с «экономической теорией», стал снова более употребляемым с странах СНГ, особенно в России и Казахстане, вытесняя понятие «политэкономия». Главную причину данного факта я связываю с двояким кризисом (онтологическим и гносеологическим), который охватил мировое теоретическое экономическое знание. Одной из форм выражения этой кризисной ситуации в экономической науке, является появление множества «новоиспеченных» терминообразований и «новых экономик», претендующих иногда на название базовой теоретической экономической науки. Из них наиболее распространенным стал термин «**экономическая теория**».

Спрашивается, откуда взялась эта вездесущая «экономическая теория»? «Вездесущая» потому, что этим термином – экономическая теория – без особого объяснения, тем более без научного обоснования в рамках общей теории науки – предметоведения, в свое время, в момент массового бегства от политэкономии («как черт от ладана»), наспех заменили политэкономия в качестве учебной дисциплины, позже – кафедр политэкономии, а в самое последнее время – в «Классификаторе...» и «Номенклатуре...» образовательных и научных специальностей России, а вслед за ним «автоматически» во многих странах СНГ, в том числе и в Казахстане.

Исторически термин «экономическая теория» (не как *отдельная, частная* экономическая теория, в качестве которой она вполне применима, а в качестве *наименования целой научной дисциплины*) стал широко употребляемым после неверного перевода термина «economics» на «экономическую теорию» в первом русском издании одноименного учебника П. Самуэльсона: «Экономическая теория есть наука ...» [8, с. 25]. «Неверный» потому, что в английском языке есть отличное от «экономикс» (economics) самостоятельное понятие «экономическая теория» (economic theory); ведь не случайно, не по научным, а чисто политическим соображениям, авторы «Экономикса» (начиная с У. Джевонса) понятию «economic theory» предпочли именно расплывчатое понятие «economics». Если уж нет адекватного перевода «economics» в русском языке, то следовало бы его оставить в транслитерации русского языка – экономикс, а не вводить неверный его перевод – «экономическая теория».

В этой связи, не вдаваясь в дискуссию, следует особо отметить, что переименование научной и учебной «политэкономии» в «экономическую теорию» считаем крайне неудачным, а по сути, неверным. Что из себя представляет сегодня «экономическая теория»? Учебники и учебные пособия по «экономической теории», выпускаемые как в России, так и за ее пределами, фактически есть тот же «экономикс», вернее, «экономикс» с названием и «в одежде» «экономической теории», так как во всех них без исключения есть три основных раздела, из которых состоит содержательно «экономикс»: раздел рыночной экономики, раздел микроэкономики и раздел макроэкономики, и, самое главное, манера изложения этих рубрик почти не отличается от классических учебников

по «экономикс». Раз так, т.е. если они в содержательном и методическом плане совпадают, то не резон ли «нашу экономическую теорию» назвать, не мудрствуя лукаво, просто «экономикс», хотя, может быть, с «национальной» спецификой, но зато изначально будет ясно, что речь идет об «экономикс», а не о какой-то особой, новой, отличной от экономикс «экономической теории» как научной и учебной дисциплине и, тем более, не о политэкономии. Видимо, такой **расплывчатый, неопределенный статус «экономической теории» как по названию, так и по содержанию** позволил высказаться о ней некоторым исследователям весьма резко, хотя справедливо: «...под экономической теорией подразумевается нечто неопределенное, предмет и метод ее трактуется так, как это принято в искусстве или в мистике, но не в науке» [9, с. 163].

Когда речь идет собственно о теоретической составляющей той или иной развитой, а потому уважающей себя науки технического, гуманитарного, естественнонаучного цикла, то все они названы более грамотно и по сути верно: **теоретическая механика**, а не механическая теория, **теоретическая физика**, а не физическая теория, **теоретическая химия**, а не химическая теория, **теоретическая социология**, а не социологическая теория, **теоретическая математика**, **теоретическая кристаллография**, **теоретическая география**, **теоретическое естествознание**, **теоретическая лингвистика**, **теоретическая археология**, **теоретическая медицина**, **теоретическая история** и т.д. и, соответственно, кафедры названы так же, а вовсе не «кафедрой физической теории» или «кафедрой социологической теории» и т.п. И на этом фоне формула «экономическая теория» как наука, научная и образовательная специальность, научная и учебная дисциплина, а также «кафедра экономической теории» почему-то не вызывают у ее авторов и учредителей чувства неудовлетворенности и неловкости, если не сказать больше.

Кроме того, когда пишется и произносится термин «экономическая теория», люди, имеющие в той или иной мере отношение к науке, предполагают ту или иную конкретную, частную, отдельно взятую экономическую теорию – теорию распределения, теорию обмена, теорию роста, теорию цен, теорию полезности и т.д. и т.п., а не вовсе науку в целом под таким названием. При этом, как верно заметил Н. Сычев, по одному и тому же предмету (проблеме) существуют и взаимоисключающие теории, тогда о какой же именно «экономической теории» идет речь [10, с.8]? Все эти рассуждения, на мой взгляд, предельно четко подводят к главному выводу – **выводу о необоснованности использования термина «экономическая теория» в различных его статусах: в качестве терминологического обозначения (наименования) науки, научной и образовательной специальности, научной и учебной дисциплины и кафедр.** Он применим только и только в отношении к определенным, конкретным, частным экономическим теориям, синтез которых и составляет **«теоретическую экономику» как целостность.**

Отсюда логически вытекает другой немаловажный вывод: «теоретической экономикой» (или теоретической экономией) я предлагаю заменить «экономическую теорию», во-первых, в качестве названия **базовой** теоретической составляющей всей экономической науки, во-вторых, в качестве научной специальности, по которой присуждается степень кандидата и доктора экономических наук (08.00.01), в-третьих, в качестве образовательной специальности, в-четвертых, в качестве наименования научных и учебных дисциплин, в-пятых, в качестве названия учебников и учебных пособий, в-шестых, в качестве наименования кафедр.

Рассмотрение и принятие «теоретической экономики» в вышеуказанных статусах дает возможность упорядочить и вопрос о том, **что** должны изучать студенты в области теории экономики. Здесь мы предлагаем следующий подход. Будущим **экономистам-теоретикам** (по бывшей специальности «Политэкономия», позже по специальности «Теоретическая экономика», в последнее время по «Экономической теории» согласно «Классификатору» образовательных специальностей) следует дать теоретический блок (как общий, так и частный) в наиболее развернутом виде; для **экономических специальностей широкого профиля** – теоретическую

экономику в нерасчлененном виде, т.е. в единстве общей экономики, социальной экономии, каталлактики (экономикс); для **неэкономических** специальностей достаточно лишь одной «Общей экономики». Такая **дифференциация** учебного курса «Теоретическая экономика» по трем уровням – базовому (для неэкономистов), продвинутому (для экономистов широкого профиля) и специализированному (для экономистов-теоретиков) – предполагает разработку и использование соответствующего учебно-методического комплекса со всеми его атрибутами и требованиями. Но это уже другой вопрос.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиев, У. Ж. Еще раз о терминологическом обозначении теоретической составляющей экономической науки / У. Ж. Алиев // Общество и экономика. – 2003. – № 4-5. – С. 240–253.
2. Алиев, У. Ж. Самосмысление «теоретической экономии» как научной и учебной дисциплины / У. Ж. Алиев // Вестник ЕНУ им. Л. Н. Гумилева. Серия экономическая. Выпуск 2. – 2008. – № 1.
3. Алиев, У. Ж. «Теоретическая экономия» как научно-дисциплинарная и парадигмальная основа современного экономического знания. Экономические институты современной России / У. Ж. Алиев // Материалы научной конференции памяти М. И. Скаржинского. – Кострома : Издательство КГУ, 2009.
4. Алиев, У. Ж. Теоретическая экономика: общедисциплинарная модель [Текст] / У. Ж. Алиев. – Алматы : НИЦ Гылым, 2001. – 348 с.
5. Алиев, У. Ж. «Экономическая теория» или «теоретическая экономия». О философских основах предмета и метода экономической науки / У. Ж. Алиев. – Санкт-Петербург: РОСТ, 2008.
6. Шубладзе, Г. К вопросу о терминологическом обозначении экономической теории [Текст] / Г. Шубладзе // Общество и экономика. – 2000. – № 8. – С. 186–191.
7. Алиев, У. Ж. Предмет и структура теоретической экономики [Текст] : диссертация на соискательскую ученую степень доктора экономических наук / У. Ж. Алиев. – Алматы, 2004. – 396 с.
8. Самуэльсон, П. А. Экономика: вводный курс: [пер. с англ.] / П. А. Самуэльсон ; редакторы: А. В. Аникин, А. И. Шапиро, Р. М. Энтов; вступ. статья А. А. Арзуманяна ; общ. ред. и послесловие А. С. Кудрявцева. – М. : Прогресс, 1964. – 842 с.
9. Амосов, А. И. Методология науки и эволюционная экономика / А. И. Амосов // Экономическая теория на пороге XXI века [Текст]: монография. Т. 3. Экономическая цивилизация и научная экономия / Академия гуманитарных наук; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Экономический факультет; Санкт-Петербургский государственный университет, Экономический факультет; под ред. Ю. М. Осипова [и др.]. – М.: Юристъ, 2000. – С. 162–179.
10. Сычев, Н. К предмету социальной экономики / Н. Сычев // Российский экономический журнал. – 1997. – № 10. – С. 102–105.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА: ИСТОКИ, ПРЕДМЕТ, МЕТОДОЛОГИЯ

Лемещенко Петр Сергеевич

доктор экономических наук, профессор. Белорусский государственный университет
заведующий кафедрой институциональной и теоретической экономики,
г. Минск, Республика Беларусь. E-mail: liamp@bsu.by

Аннотация. В статье раскрываются закономерности эволюции институциональных основ парадигм экономической науки и методологические рамки формирования теоретической экономики как научной дисциплины. Институциональная ценность – центральная материя предмета данной дисциплины.

Ключевые слова: институциональная ценность; мир-экономика; политико-экономическая система; теоретическая экономика; научная методология

Код УДК: 330.101

Annotation. The article is devoted to the regularities of evolution of the institutional foundations of paradigms in economics and methodological framework for the formation of The Theoretical Economy as a scientific discipline. The Institutional value – is the central substance of the subject of this discipline.

Keywords: institutional value; world-economy; political-economic system; theoretical economy; methodology

*Человек не может быть счастлив наукой, но
теперь он еще менее может быть счастлив без нее...
Наилучшее выражение гармонии мира – это закон.
А. Пуанкаре*

*Наука представляет собой внутреннее единое целое.
Ее разделение на отдельные области обусловлено не
только природой вещей, сколько ограниченностью способно-
стей человеческого познания. В действительности
существует непрерывная цепь, ...которая ни в одном месте
не может быть разорвана, разве лишь по произволу.
М. Планк*

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Без преувеличения можно сказать, что, как и в другие трудные времена в прошлом, современный статус государств, всего мира определяется уровнем освоения всего теоретического арсенала средств экономической науки, грамотным и умелым использованием ее достоверных выводов в хозяйственной практике. Конечно, все науки важны и нужны. Но если, скажем, не совсем хорошего уровня достигли в области физики, химии или даже медицины, то люди испытают этот недостаток в соответствующих областях человеческого быта на практике, что, впрочем, компенсируемо заимствованием технических достижений из других стран. Однако если экономическая наука потеряет свою эвристическую функцию, то стране грозит отставание буквально

во всех сферах хозяйственной деятельности. И парадокс здесь заключается в том, что по существу для решения всех необходимых и успешных задач своего национального хозяйственного бытия и развития, нельзя привлечь специалистов из-за рубежа. История, по крайней мере, почти не знает положительных примеров, когда привлекаемые зарубежные эксперты и специалисты для других стран полностью выстраивали успешную программу социально-экономического развития. По крайней мере, с бедностью стран «третьего мира» разного рода «советами» борются вот уже более чем полувек. Здесь слишком много условий и факторов, влияющих на реализацию самых смелых, доброжелательных и дерзких проектов для стран, которые по преимуществу и большинством населения страны осознали необходимость политико-экономических трансформаций. И первый из них – это адекватное отражение национально-исторических условий и особенностей политико-экономической, социально-психологической и производственно-технологической реальности.

В эволюции социально-экономической системы, если исключить сциентистскую самоуверенность человека, можно выделить три компонента: а) стихийную силу развития¹, включающую, в том числе осознание, но, в то же время, и ограниченное влияние на изменение вектора проявляющихся тенденций; б) осознанную и квалифицируемую проводимую экономическую политику со всем своим сложным и противоречивым механизмом реализации; в) индивидуальную способность людей адаптироваться своими интересами и в своей деятельности к изменению природной и институциональной среды, достигая своих целей, но и способствуя достижению цели общей.

Иначе говоря, современная мир-экономика² с ее количественными и качественными проявлениями есть следствие научно-освоенной и интуитивно стихийной деятельности людей, которые не только в достижении своих целей изменяли обстоятельства, но и приспособлялись к ним, допуская погрешности в знании и просчеты в действии. Однако если принять во внимание крайне противоречивые оценки достигнутых результатов политико-хозяйственной деятельности человека³, то необходимость переосмысления достижений экономической науки, особенно ее наиболее влиятельных и распространенных течений, становится не только очевидной, но и крайне актуальной проблемой. Причем, рефлексии теория должна быть подвержена как в случае признания ее активного начала во всех направлениях хозяйственной деятельности, так и в случае отрицания ее использования в обширной практике. Так называемые системные реформы, которые охватили почти все социалистические страны и которые безуспешно растянулись на неопределенно длительный период, еще больше требуют переосмысления существующих исследовательских традиций экономической науки. Экономисты этих стран, воспитанные в традициях марксизма⁴, в одночасье освободили себя, по крайней мере, формально, от обязанностей перед данной теорией⁵. Это еще вовсе не означает, что «наши», как, впрочем, и другие экономисты, в подобного рода ситуациях радикального перехода на новую теорию мышления сразу в полном объеме освоили, включая философский контекст, альтернативные направления науки. Об этом свидетельствует даже беглый анализ материалов, публикуемых в немногочисленных изданиях постсоциалистических государств⁶.

¹ Этот момент можно проиллюстрировать выводом В. Парето о равной доле населения, аккумулирующей равную долю богатства независимо от социально-экономической системы. Пункт в) свидетельствует в свою очередь изменение состава людей в этой группе.

² Понятие «мир-экономика» отражает целостное состояние мирохозяйственной системы, многие структурные элементы которой органически взаимосвязаны между собой (Ф. Бродель, И. Валлерстайн). Основой такой взаимосвязи являются мировые финансы и поэтому такой современной экономике Ю.М. Осипов предложил название «финансомика».

³ Как известно, первые негативные оценки способа мышления уже нашего времени и существующих форм хозяйствования прозвучали на заседании Римского клуба в 1968 г. Более поздние работы Дж. Белла, Дж. Гэлбрэйта, П. Дракера, Л. Туроу, И. Ставинского, Н. Моисеенко, Ю. Осипова, Д. Нэбита, Е. Массуда, О. Тоффлера, В. Иноземцева, Д. Медоуза, Дж. Сороса, Дж. Стиглица и др. авторов зафиксировали всеобщий кризис индустриальной, или, иначе говоря, европейской цивилизации. Но на практике в политико-экономической сфере, к сожалению, мало что меняется. Отдельные «сильные» государства или политические объединения пытаются за счет других государств посредством институциональной конкуренции решить свои очередные проблемы.

Предметная и методологическая неопределенность, историко-аналитический консерватизм, проявление осознанного и неосознанного личного эгоистического интереса исследователя, императивно-нормативная направленность, описательность, политическая эмоциональность и непроверяемость на истину до сих пор характеризуют большинство работ по современной действительности. В свою очередь, учебные планы и программы по экономике механически скопированы, иногда в упрощенных вариантах, с вводных курсов провинциальных американских колледжей⁷. Нельзя, конечно, не заметить, что все-таки за последнее время наступило некоторое отрезвление в среде экономистов и появились серьезные работы, в которых удачно соединяется историко-институциональный контекст с накопленными экономической наукой обобщениями. Иначе говоря, *единство логического и исторического* является универсальным методом познания хозяйственной реальности.

Примечательно то, что образовавшийся еще в советское время разрыв между теорией и практикой⁸, углубился еще больше, поскольку аналитический аппарат неоклассики, преподаваемый в вузах, можно сказать, никак не используется ни выпускниками, ни самими преподавателями, ни тем более в практических работах. Особенно эта участь постигла раздел микроэкономики.

Полный крах и несостоятельность обнаружили советы и программы, разрабатываемые западными экономистами неоклассического толка для государств, избравших путь политических и экономических преобразований. Основная мысль пост-вашингтонского консенсуса, который при выяснении причин данного обстоятельства заключил об упрощенном, конъюнктурном и стандартном подходе к обоснованию реформ в социалистических государствах. Как оказалось, не учли самого главного – тех неформальных системообразующих институтов, которые нельзя изменить в одночасье, но трансформация которых имеет свои закономерности и траекторию эволюции [1, 2, 3]. Однако это, как и многое другое, что было бы крайне важным для объяснения старых и новых проблем современной экономики, ее прогнозирования и управления, мягко говоря, «выносилось за скобки» господствующей в умах политиков теорией мэйнстрима. Ведь ни одна страна бывшего социализма по существу не приобрела нового качества и развития, и тем более качества жизни населения этих стран.

⁴ Надо отличать марксизм по своему источнику и развитию от вульгарного, интерпретируемого марксизма, получившего своеобразную и научную, и практическую окраску в социалистических странах.

⁵ К проблемам, существующим в экономической науке в целом, в Беларуси в частности автор в той или иной мере обращал внимание и ранее: П.С. Лемещенко. Теоретическая экономика: структура, классические традиции, новые тенденции. Мн.: БГУ, 2001; К вопросу о новой парадигме политической экономии. Мн.: БГЭУ, 1991, (сборник тезисов); Национальная экономическая наука: от кризиса к рациональным практическим решениям // Управление капиталом. 1997. № 4; Белорусская экономическая наука в лабиринтах поиска // Гуманитарно-экономический вестник. 1997. № 2; Новая экономика и теория: закономерности эволюции. – Сб-к: «Беларусь и Россия: императивы общественного развития». Мн.: ИСПИ. 2002; и др

⁶ Прежде всего, обращает на себя внимание крайне малое количество научных изданий по теоретическому срезу экономических исследований. К тому же «утрачены» свойства, признаки, которые отличают фундаментально научное от знания, воспринимаемого на уровне здравого смысла. Порок метода «здравого смысла» в том, что, отражая «нездоровость» переходной эпохи, этот метод воспроизводит усиление неопределенности и ведет к ошибкам, что с очевидностью подтверждается практикой. К тому же у безработного, банкира, политика, ученого, инженера, наемного рабочего, домохозяйки, фермера, олигарха будет в подходах к социально-экономической системе проявляться «свой» здравый смысл.

⁷ Учебные пособия по экономике, используемые в европейских вузах, как правило, отличаются своей структурой. См., например, Schotter A. Microeconomics. A Modern Approach. London: Harper Collins, 1994. Свою «нишу» занимает «теория хозяйства» Ю.М. Осипова: В 3-х т. МГУ, 1998. Изданный в Беларуси «Экономика: университетский курс» / Под ред. П.С. Лемещенко. – Мн.: БГУ, 2007, также существенно отличается от вводных курсов «экономикс», использующих аналитический аппарат науки 50-60- годов.

⁸ Итогом оценки такого разрыва стал известный тезис из андроповской речи в 1983 г. о том, что мы не знаем то общество, в котором живем. См.: Вопросы экономики. 1983. № 7. С.12; Шеррер Ф., Росс Д. Структура отраслевых рынков. М., 1997. С. 656-660.

«Если судить о современной экономической теории по ее философскому и историческому содержанию, – пишет известный историк экономической мысли Р.Л. Хайлбронер – мы будем вынуждены определить ей место в надире, а не в зените ее истории» [4, с.53]. Методологическая упрощенность, а точнее отсутствие научной современной *методологии*, вынужденная научная специализация, функционально-формализованная зависимость привели в результате к «дефекту знания», который, подобно дефекту массы в физике, не дает нам целостного политико-экономического и культуролого-экологического образа взаимоотношений человека, общества, природы. Иначе говоря, современная экономика, а, наверное, правильнее говорить действительно о мир-экономике как целостной и доминирующей хозяйственной структуре, лишь частично и фрагментарно описывается существующими на сей день теориями. Эту ситуацию не следует драматизировать, потому что приблизительно раз в 50-60 лет теории приходится серьезно себя «модернизировать». Иначе к объявленным в некоторых странах программам модернизации без модернизации мышления можно отнести лишь как очередной политико-правительственной риторике.

НАУКА ЭКОНОМИКА В ПАРАДИГМАЛЬНОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Итак, научного и современного экономиста от «экономиста прошлого» отличает *осознанное понимание* своей методологии в общем научно методологическом контексте экономической науки, методов и инструментов исследования и анализа, а также *предполагаемая применимость* результатов своих наблюдений.

Обращение к *парадигме* отражает более зрелый этап развития науки, поскольку исследователями ставится задача установить определенные каноны мышления, придающие научным результатам более строгий, достоверный и верифицируемый вид. По Куну, парадигма выполняет роль дисциплинарной матрицы, признаки которой позволяют каждому вступающему в определенное сообщество выполнять аналитическую деятельность по выработанным и признаваемым нормам, правилам, алгоритму. Содержательным ядром парадигмы служит общая картина, представление, образ или модель исследуемой реальности⁹. Эта онтологическая составляющая обеспечивает *связь предмета науки с объектом*, поскольку в этой картине или универсалистской схеме интегрируются и систематизируются разнородные свойства явления на определенном этапе развития. Эта часть парадигмы отражает сложившееся в каком-то научном сообществе представление об объекте познания.

Формирование идеалов и норм научного исследования находится под влиянием специфических условий и факторов развития данной дисциплины, а также общенаучных и междисциплинарных свойств. К сожалению, последовательное использование широкого спектра исследовательского потенциала с п е ц и а л и с т а м и осуществляется лишь в крайних случаях гносеологического и практического тупика. Но важно подчеркнуть то, что осознание самой проблемы в освоении всех структурных элементов парадигмы, с чего и начинается любая теория, оказывает решающее воздействие на степень полноты и адекватность восприятия окружающей эмпирии мира.

Логика развития экономической науки определяется взаимодействиями внутри системы знания – между собственно теорией, эмпирией и общей картиной исследуемой реальности. Смена парадигмы характеризуется ситуацией, когда новые явления выходят за привычные рамки системы знания и вступают в противоречие с идеалами, нормами, критериями научной деятельности. Жизнь показывает, что такое противоречие было в экономике советского типа, практика которой не

⁹ Применение выводов И. Лакатоша к экономической науке обнаружило параллельное существование в рамках одной парадигмы нескольких течений. В силу этого и других обстоятельств понятие «парадигмы» стало заменяться «исследовательской программой».

вписывалась в общий контекст политэкономии социализма. Такое противоречие есть и сегодня, поскольку изучаемые и пропагандируемые курсы «экономикс», выполненные в стандартных неоклассических традициях, по сути, никак не отражают современную ситуацию. Преподаватели курсов и на Западе, и у нас, к сожалению, преподают не то что необходимо, а то, что они выучили из учебных книг.

Конфликт в том, что новые идеи должны оцениваться либо по старым критериям политэкономии социализма, либо по новым, но абстрактным, не отражающим общее основание иной формирующейся системы. Например, $MC = MR$ не отражает никакой реальности, поскольку ни экономистами, ни тем более бухгалтерскими работниками не считается. Быстрая и решительная отмена прежней теории без априори выдвинутой новой приводит к теоретическому вакууму, в котором начинают господствовать астрологические прогнозы и спекулятивные идеи. Иначе эту ситуацию можно назвать *антинаукой*, поскольку используемый понятийный аппарат никак не обеспечивает познавательной функции, а скорее наоборот – уводит в сторону от истины, что очень выгодно используется финансовыми дельцами.

Действующей в определенное время парадигме всегда присущ некоторый консерватизм, действующий благодаря инерции мышления, хотя накопившиеся изменения в теоретическом знании требуют, соответственно, изменений и в аксиоматическом наборе, отвечающему общей научной конструкции, а, следовательно, и самой реальности. Этот процесс конструкции парадигмы, ее деконструкции и реконструкции слишком сложен и очень таинственен даже для методологов науки. Ведь, как правило, новая теория создается в неконтролируемом варианте. Новые теории иногда слишком долго доказывают свое право на существование, а уж после общественного признания начинается попытка описать, а как тот или иной ученый, научная школа пришли от выдвигаемой гипотезе к развернутой и общепризнанной теории, подтвердившей свое преимущество перед уже существующими.

Аксиоматика теории гуманитарной сферы отличается, прежде всего, *наличием в ней нравственно-этического начала общества*, в котором хозяйственная деятельность занимает доминирующее место. Это во-первых. И в классической политэкономии это начало присутствовало имплицитно, хотя А. Смит у все-таки пришлось в своей «Теории нравственных чувств» примирить индивидуально-капиталистический эгоизм, общественную нравственность и справедливость, обеспечивающие социальное воспроизводство нации. Во-вторых, экономическое движение постоянно и экспериментально не воспроизводимо. Можно лишь весьма в упрощенном виде смоделировать фрагмент какого-то историко-экономического явления или отдельную ее сторону. В-третьих, человек, выражая свое отношение (активно или пассивно) к теории и ее идеологии, меняет сам объект исследования, что требует учета данного обстоятельства аналитиком, но на это вплоть до настоящего времени не обращается внимания экономистами¹⁰. В. Гейзенберг когда-то заметил, что тонкая материя, попадая в исследовательское поле, меняет свои свойства, чем нарушает «чистоту» эксперимента. Этим хотелось бы подчеркнуть, что теория об экономике на новом витке развития этот факт зависимости объекта от исследовательского процесса должна закладывать в свою парадигмальную основу. Современное «сетевое информационное общество» кратно усиливает эффект влияния на поведение индивидов в обществе и в выборе своих приоритетов. Для примера можно привести ситуацию почти во всех странах с инфляцией, когда даже самые объективные статорганы представляют инфляцию значительно ниже, чем она существует реально.

Какие же парадигмы можно выделить с позиций сегодняшнего дня в экономической науке [5]?

¹⁰ Под влиянием философии позитивизма стремление к научной истине утратило свое первостепенное значение. Особенно это касается политической сферы и финансового сектора.

Первая целостная политико-экономическая картина представлена классической школой. Используя традиции естественных наук и особенно ньютоновской физики, классики предложили воспринимать мир как мир богатства. В достижении и превращении форм богатства, его распределения они искали универсальные объективные законы и закономерности, на основе которых стремились объяснить и предвидеть основные тенденции экономического развития. Объяснение источника богатства с точки зрения труда заложило новую норму поведения – стоимость, которая провела грань между экономической эффективностью и справедливостью. В стоимости, кроме всего прочего, фиксировалась социальная, экономическая, правовая и нравственная основа взаимодействия членов общества, значимость которых определялась трудовым участием, а не сложившейся кастово-сословной дифференциацией. Элементы же стоимости, на которые она распадается ($c + v + m$), дают общепризнанное основание на фонд возмещения, пропорцию распределения вновь созданной стоимости на необходимый и прибавочные ее части. И капитал, кстати, при всем его устремлении изменить эту пропорцию в свою пользу, наталкивался на общественное сопротивление к этому изменению как со стороны церкви, влиятельной элиты и даже правовой системы.

Можно заметить, что в интерпретации классической политэкономии нашла свое отражение *теоретическая экономика*. Но она не только на абстрактно-понятийном уровне целостно зафиксировала, в том числе, через обобщение достижений других наук политико-экономическую систему, но и определила историческую тенденцию эволюции ее форм существования¹¹.

Свое дальнейшее развитие классическая школа получила в марксизме. Здесь не только сохраняется, но под влиянием гегельянства усиливается установка на сущность, закон, закономерности смену стоимостных форм богатства и отношений, в конце концов, на *теорию*, в которой задача дополняется поиском внутренних причин саморазвития капитала (см. рис 1). *Новизна подхода состоит в объединении исторического и логического*, в чем проявился ответ марксизма на вызов исторической школы. Введенный марксизмом принцип историзма позволяет общий, универсальный характер законов модифицировать в законы специфические, определив тем самым границы действия этих общих законов и своеобразие их проявления. В свою очередь, был преодолен и «порок» «старой» исторической школы, которая утопала в массе различных фактов хозяйственного бытия.

Но надо понимать, что экономическая деятельность в первую очередь связана с людьми, которые, в свою очередь, имеют свои и корпоративные, семейные интересы, наделены чувствами и эмоциями. Поэтому истина, отражающая, грубо говоря, общую тенденцию, всегда имеет индивидуально-коллективные и тем более классовые отклонения. К тому же люди далеко не лишены эгоистического интереса извлечь личную выгоду. Последняя может увеличиться, если будут по-разному владеть информацией о контракте, например, между наемным рабочим и предпринимателем. Поэтому для экономической науки, получившей социальный заказ работать на феноменологическом уровне, отход от эзотерического метода вполне объясним. Экономисты ведь люди, поэтому в свободном обществе в доказательствах тем, кто может платить, никогда не будет недостатка, даже если для этого надо будет использовать статистические данные и математический аппарат. Например, фондовый рынок в принципе не поддается рациональному освоению, но в то же время именно эта область как никакая другая облачена в разного рода математические символы и формулы. И какой же финансовый кризис был спрогнозирован?

¹¹ Обобщение и интеграция выводов частных наук А. Смитом достигалось через неформальные отношения его с экономистом Дж. Стюартом, философом Д. Юмом, медиком У. Хантером, изобретателем Дж. Уаттом, химиком Дж. Блеком, социологом Ад. Фергюсоном, архитектором Р. Адамом. Интерес представляет также «запрофессиональная» деятельность других известных экономистов.

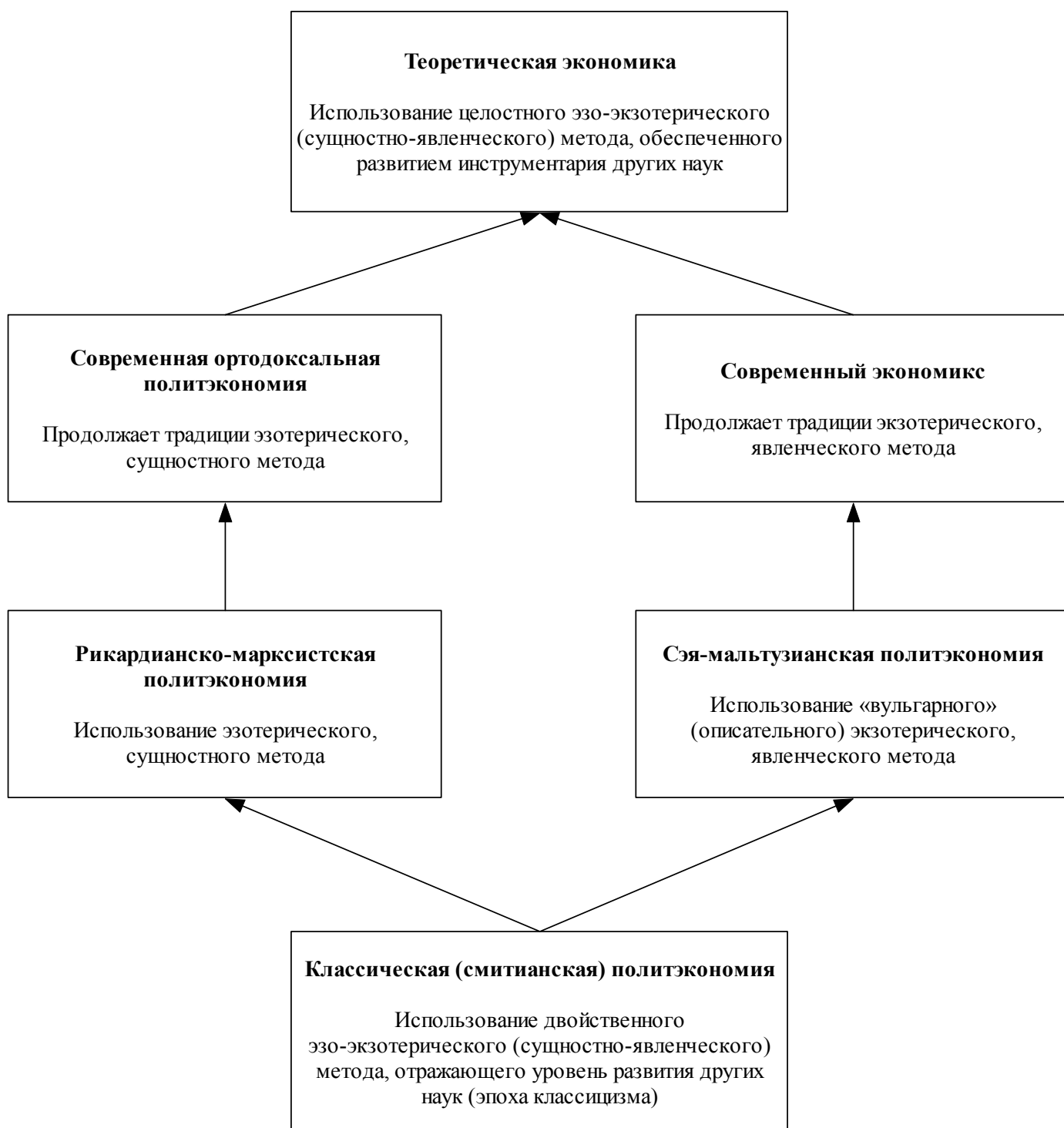

Рис. 1. Эволюция типов методологии теоретической экономики

На наш взгляд, если использовать идею И. Лакатоша о делении парадигмы на «жесткое» ядро и «защитную» оболочку [6, с.26], то изменения философско-методологического основания марксизма произошли как в первом, так и во втором блоках. В остальном марксизм придерживался классической традиции. Речь идет, прежде всего, о границах эффективности отношений прав собственности, об издержках обмена и конкуренции рыночного хозяйства, о противоречиях между трудом и капиталом. Все это находит отражение в тех категориях, которые получили отражение и, естественно, развитие в соответствующих работах представителей классики политэкономии.

Серьезным испытанием для классической политэкономии явилась критика ее со стороны исторической школы. Представители этого направления стали родоначальниками антисциентистской традиции в экономике, ориентирующей исследователя прежде всего на богатую фактами гуманитарную основу экономического знания. Для них экономика – это, прежде всего, мир хозяйства, опосредованный историко-культурными ценностями. «Самое формирование исторической школы в противовес классической, – пишет Н.Д. Кондратьев, – было фактом огромного значения для развития методологии социальной экономики. Это формирование ... потребовало, по существу, в истории социальной экономики впервые отчетливого и критического осознания самой проблемы метода экономического исследования» [7, с.271].

Знаменитый «спор о методе» особенно остро проявившийся в полемике между Г. Шмоллером и К. Менгером [8, с.33; 9, с.315] не привел к утверждению нового методологического канона, однако дал импульс к расчленению единой науки об экономике на две части: первую, утверждающую в познании абстрактные дедуктивные начала («рикардианский порок»), и вторую, отстаивающую целостность, специфичность и многообразие хозяйственных культур («шмоллеровский порок»).

Новый парадигмальный сдвиг связан с возникновением маржинализма. Мир хозяйствующего субъекта, который сам активно вовлечен в экономическую деятельность, был положен в основу познания происходящих процессов¹². Поиск объективных, сущностных, причинно-следственных связей был заменен поиском функциональных связей на уровне явлений, которые выступают результатом деятельности хозяйствующих субъектов. Общая картина социально-экономического мира неоклассиками была редуцирована до уровня среднестатистического экономического агента, имеющего определенный набор предпочтений и корыстные мотивы максимизации полезности в поведении. После выхода в свет работы А. Маршалла [10] учебная дисциплина «политэкономия» заменяется «экономикой» с ее позитивистской философией и аналитическим технико-функциональным аппаратом. Это понятие стало символом названия и новой науки. Отныне стали апеллировать не столько к экономической науке, сколько к науке как процессу в освоении познанием экономического поля. Последняя у неоклассиков складывается из отдельных «коротких цепочек»¹³ частных отдельных теорий, охватывающих короткие промежутки времени, на что ориентировала философия позитивизма.

Примечательно то, что, определяя экономическую теорию «ящиком инструментов» [11], неоклассики способ выбора инструментов вообще не относят к компетенции науки, а в большей степени ориентируют на Здравый Смысл исследователя. К этому надо еще добавить, что целостное теоретическое (политико-экономическое) знание в начале 20 в. начало трансформироваться в ряд таких самостоятельных специальных наук, как политология, менеджмент, социология, экономическая история, история экономических учений. Таким образом, под влиянием научных специализаций и использования в производстве экономического знания частных методов экзотерической

¹² В этом можно заметить второй уровень рациональности (классическая политэкономия – первый), к которой обращаются экономисты.

¹³ Так выражает свою исследовательскую стратегию А. Маршалл: «... Функция анализа и дедукции в экономической науке состоит не в создании нескольких длинных цепей логических рассуждений, а в правильном создании многих коротких цепочек и отдельных соединительных звеньев [10, т.3, с.212].

направленности это знание приобретает черты калейдоскопичности, фрагментарности и статичности. Из этих фрагментарных «лоскутков» невозможно воспроизвести целостный образ, целостную политико-экономическую и социальную картину.

Теория Дж. Кейнса¹⁴ под влиянием противоречий, существующих в реальности и в знании, расширила горизонты анализа, но уже за счет изменения в «защитной» оболочке [12, с.161]. Мир деятельного субъекта – так можно охарактеризовать теоретический подход Кейнса и его последователей. Включение в исследовательское поле макроэкономических проблем наметило *сближение* неклассической и марксистской теорий [13, с.270-271].

Разного рода остроты и глубины проблемы реальности, логические парадоксы активизировали во второй половине прошлого века деятельность как традиционных, так и новых научных школ и направлений: нео- и посткейнсианства, институционализма и нового институционализма, неошумпетерианства и радикальной политэкономии, международной политэкономии и футурологии. Однако эта пестрота мнений снова потребовала обращения к философско-методологическому основанию экономической науки [14, с.117]. В 80-е годы философско-методологические дискуссии переросли в методологический бум, в которой явно просматривается идея формирования метапарадигмы на междисциплинарной основе¹⁵.

У. Баумоль положил начало новой дискуссии с целью подвести итоги достижения экономической теории за прошлый век [15]. И хотя он сам называет свою попытку наглой [там же, с. 104], все же общая оценка достижений науки об экономике звучит так: «... Наибольший научный прогресс по сравнению с началом века можно обнаружить не в теоретических новациях, а в развитии эмпирических исследований и применении теоретических концепций к решению конкретных практических проблем [там же, с. 80]. Здесь наши оценки совпадают с позицией уважаемого мэтра. Особенно в части того, что какого-то теоретического прорыва в экономической науке за прошлый век сделано не было. Но были сделаны важные накопления, наработки, которые позволяют видеть важные изменения в ее философско-методологической структуре, других параметрах исследовательской деятельности (таб. 1). Например, М. Алле отмечал: «Как физика сегодня нуждается в единой теории всеобщего тяготения, электромагнетизма и квантовой физики, так и гуманитарные науки нуждаются в единой теории поведения людей» [16, с. 27].

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА: НОВЫЙ УРОВЕНЬ И СПЕЦИФИКА ПРЕДМЕТА

Итак, никто не станет отрицать того, что хозяйственная система представляет целостное образование, которое пронизано различной степенью интенсивности отношений и взаимосвязей людей, фирм, других институциональных структур. Глобальная информационная сеть, возникшая вслед за торговой транспортной, электрической и финансовой [17] усилило интеграцию мировой системы, отдельных регионов, сфер деятельности. Возросла степень зависимости поведения экономических аспектов, как по эндогенному, так и по экзогенному направлениям не столь от национальных, сколько от наднациональных институтов. Факторы развития и роста переместились в область отношений¹⁶ и научно-информационного ресурса. Именно здесь, может быть, объясним остаток Солоу, который пока не может быть раскрыт с позиций традиционного факторного подхода и используемого аналитического аппарата.

¹⁴ Обращаем внимание на название работы Дж. Кейнса: *Общая теория* (подч. – П.Л.) занятости, процента и денег. М., 1998. Ей предшествовал ряд работ этого автора философского, политического и экономического толка, о которых мало что говорится.

¹⁵ Начинает издаваться ряд новых журналов по экономической философии, теоретической и институциональной экономике, праву и экономике, новой политической экономии. Например, в 2009 г. Международной Ассоциацией институциональных исследований был учрежден «Журнал по институциональным исследованиям», который издается в Южном федеральном университете, г. Ростов.

Экономическая наука в широком смысле слова многогранна, как разнообразен хозяйственный мир. В фундаментальной своей части она фиксирует тот набор элементов, связей, отношений, который образуют хотя и общую относительно устойчивую систему, воспроизводящую уровень освоения человеком природной среды, технико-технологического развития, степень психо-биологической и социально-экономической самоидентификации индивида, формы и параметры его защиты. Как эмпирическая наука, последняя имеет дело с наблюдаемыми и проверяемыми данными и фактами, объясняя и прогнозируя тем самым происходящие процессы. Определенной своей частью теория впитывает и одновременно воссоздает исторический ракурс экономической траектории эволюции. Дж. Хикс писал: «По мере того, как экономическая теория выходит за рамки «статики», она становится менее похожей на науку и больше – на историю» [18, с.485]. «Экономическая теория выступает как эмпирическая наука, если она мыслится как исследование такого объекта, как богатство, – пишет историк и философ Р. Коллингвуд, – и как философская наука, если она мыслится как изучение экономической деятельности» [19, с.1].

Таким образом, *теоретическая экономика* – это формулировка общих законов институционального устройства и развития мирохозяйственной системы и ее конкретных хозяйственных порядков, определение принципов их функционирования и управления, а также форм отношения поведения людей, реализующих в своей деятельности присущие им интересы¹⁷. Этим, не претендующим на всю полноту отражения изменений в современной экономике, определением делается попытка, во-первых, зафиксировать естественное и закономерное развитие предмета науки об экономике, которая также эволюционировала в количественном и качественном направлениях. Во-вторых, хозяйственный мир¹⁸ – это сложный, но все же целостный мир, который требует такого же целостного к себе подхода и анализа. Институциональное теоретическое основание закладывает не только начала такого синкретичного восприятия, но и определяет наполнение дедуктивных заключений теми же конкретными формами, в которых осуществляется практическая деятельность¹⁹. Определяя экономическую науку (экономикс, экономическую теорию) через ограниченные ресурсы и конкурирующие цели, мы заранее ограничиваем себя в ответе на вопрос: почему разные страны, располагающие примерно равными, а может и большими ресурсами, имеют принципиально разные результаты в социально-экономическом прогрессе. В-третьих, обращение к теоретической экономике как естественному этапу научного развития обнаруживает *синтез* сущностного эзотерического подхода с феноменалистским экзотерическим.

¹⁶ Менеджмент в теории и на практике область отношений для увеличения производительности и улучшения качества продукции успешно использует уже несколько десятилетий. Используя знания о производственных и организационно-экономических отношениях можно без существенных затрат значительно увеличить площадь сегмента, ограничиваемого кривой производственных возможностей.

¹⁷ Для сравнения приведем некоторые другие определения экономической науки и ее предмета. «Определить законы, которые управляют... распределением – главная задача политической экономии» (Д. Рикардо. Начала политической экономии и налогового обложения. М., 1955, с.30); «Экономическая наука занимается изучением того, как люди существуют, развиваются и о чем они думают в своей деятельности. Но предметом ее исследования является главным образом те побудительные мотивы, которые наиболее устойчиво воздействуют на поведение человека в хозяйственной сфере его жизни» (А. Маршалл. Принципы экономической науки. М., 1993. Т.1, с.69); «Предмет политической экономии составляют общие законы производства и распределения» (А. Пезенти. Очерки политической экономии. М., 1976. Т.1, с. 93); «Экономическая теория [такую дефиницию получила наука «экономика» после русского перевода] есть наука об использовании производительных ресурсов для производства различных товаров... и распределения их между членами общества в целях потребления» (П. Самуэльсон. Экономика. М., 1964. с. 25); «Наука должна дать точное определение отдельных, частных хозяйственных порядков и показать, каким образом происходит их соединение в рамках общего порядка» (В. Ойкен. Основы национальной экономики. М., 1996, с. 79-80); «Экономика как общественная наука изучает поведение индивидов и институтов, занимающихся производством, обменом и потреблением товаров и услуг (К. Р. Макконнелл, Ст.Л. Брю. Экономикс. М. 1992, Т.1, с. 21); «Политическая экономия есть общественная наука, изучающая хозяйственную деятельность народов, или, еще короче – политэкономия есть наука о народном хозяйстве» (А.И. Чупров. Курс политической экономии. М., 1914, с.16).

И снова, как во времена классической политэкономии, исследовательская аксиоматика закладывается на сущностном уровне, отражающем связь человека с природой, имеющимся технологиями, мировым сообществом. В-четвертых, теоретическая экономика ставит задачу (по крайней мере, это вытекает из анализа имеющихся в науке и практике проблем) в зависимости от конкретных целей явно или имплицитно проводить многоуровневый «срез» общественно-экономической системы, относясь к последней как к действительно реальной, а не абстрактной системе. Точкой отсчета в отличие, например, от эпохи классицизма, когда воспроизводилась национальная политико-экономическая система, здесь выступает обобщенное отражение современной мировой эпохи с ее тенденциями развития. Для чисто экономического анализа это дает ориентир на поиск новых факторов, влияющих на спрос и предложение, на выяснение дополнительных источников производства продукта, дохода и пр. Вспомним учение А. Смита о производительном и непроизводительном труде, организационном факторе А. Маршалла или эффективном спросе Дж. Кейнса. Скажем так, теоретическая экономика должна сконструировать через адекватную систему категорий современную «хозяйственную конституцию», в структуре которой, так или иначе, занимают соответствующие места национальные государства с их системами хозяйствования. Некоторый парадокс заметен в том, что сами национальные государства, создавая определенные наднациональные рамки, сегодня уже вынуждены их закладывать в своей политико-экономической стратегии. Более частные же теории, например, политэкономия государства, теория окружающей среды, микро-, макроэкономика, теория финансов, региональной экономики, институциональной и эволюционной экономики, восприняв от общей теории исходные аксиоматические установки, дополняют общую экономическую картину на разных уровнях хозяйствования.

В-пятых, теоретическая экономика не стоит ни в начале изучения реальной действительности, ни в конце, как это думают эмпирики, ни рядом. Она расположена в центре процесса познания, задавая его направление и формируя инструменты, которые создаются для получения научного опыта. Иначе говоря, теория без фактов может быть пустой, однако факты без теории просто бессмысленны. В разработке научной хозяйственной картины мира важная роль отводится исходным определениям. Они обобщают результаты определенного анализа, синтезируя частные стороны явления и тем самым «позволяют» работать с этими явлениями, но уже на другом, более глубоком уровне познания действительности.

Более подробно предмет и эволюция методологии экономической науки изображена в таблице 1. Но хотелось бы «развести» понятия «теоретическая экономика» и «экономическая теория». В определениях, которые мы привели выше, на рисунке 1, и таблице 1 можно найти эти отличия, как по предмету, так и по другим важным признакам. Теоретическая экономика воспроизводит на современном уровне развития науки в целом тот подход к человеку, природе, обществу, которые в свое время выполняла классическая политэкономия. Экономическая теория, если использовать не самый лучший, но самый распространенный перевод, выступила следствием научного обеспечения частных задач практики функционирования рыночной экономики. Априори многие социокультурные постулаты принимаются как беспроблемные аксиомы, вычленяется из всей гуманитарной составляющей человека лишь его утилитарная направленность, которая якобы лежит в основе его мотивации и поведения в условиях ограниченных ресурсов. Л. Мизес назвал эту отрасль науки каталлактикой – наукой об обмене. Многие другие авторы также отмечают, что «экономикс» из всей воспроизводственной системы в своем анализе обращается лишь к фазе обмена. Отсюда выводятся спрос и предложение, цена,

¹⁸ Категория «хозяйство» значительно шире категории «экономика», поскольку отражает, во-первых, сферы деятельности, прямо не попадающие в денежное измерение, а, во-вторых, конкретизирует формы, порядки, в которых проявляется экономическая реальность.

¹⁹ В. Ойкен употребляет категорию «хозяйственная конституция», а Дж. Бьюкенен ориентирует в своих исследованиях на раскрытие «конституции экономической политики».

понятие равновесия и пр.²⁰ «Недостаточно и далее заниматься экономическими проблемами в рамках традиционной структуры, – пишет Л. Мизес. – Теорию каталлактики необходимо выстроить на твердом фундаменте человеческой деятельности» [20, с. 10]. Зададим себе пока вопрос, а что нам известно о фундаменте (!?) современной человеческой деятельности?

Таблица 1

Главные характеристики методов экономического исследования

Структурные характеристики метода	Методы		
	Эзотерический, сущностный	Экзотерический, явленческий	Целостный эзо-экзотерический (сущностно-явленческий)
<i>Парадигма</i>	Интуитивная; предполагает эгоистические начала с основанием культурных ценностей	Априори оговоренная; рациональные предпочтения при полной информации и нулевых трансакционных издержках	Эклектическая; реализация принципов холизма на междисциплинарной основе
<i>Социально-политическая детерминированность</i>	Присутствует в качестве объективных предпосылок, связей и отношений	Не присутствует по причине признания экзогенности этой среды к экономике	Институциональная детерминированность, создающая рамки экономического развития
<i>Технологическая детерминированность</i>	В рамках производительных сил	Отсутствует; земля, труд, капитал – главные факторы производства	Экономика – открытая система, имеющая ограниченный потенциал
<i>Организационная детерминированность</i>	Простая кооперация, мануфактура, фабрика	Абстрактная фирма, «черный ящик»	Осознанно сформированная организация (фирма, государство, мир-экономика)
<i>Предмет исследования</i>	Внутренние, устойчивые связи и отношения	Внешние и спорадические связи и взаимодействия	Органически целостное, сложное структурное образование
<i>Характер связей, отношения</i>	Причинно-следственные, субстанциональные	Функциональные, отражающих потоки движения доходов, расходов	Многоуровневая система связей, отражающих разные аспекты мир-экономики
<i>Цель метода</i>	Эвристическая; раскрыть политико-экономическую природу общества (почему работает система?)	Позитивистская; ответить на вопрос как работает система, чтобы достичь экономического эффекта	Теоретическая, аксиологическая (как обеспечить устойчивое развитие?)
<i>Характер метода</i>	Диалектический (по преимуществу)	Позитивистский	Синтетический (единство диалектического и позитивистского методов)
<i>Пространственно-временные рамки</i>	Национально-государственные; долгосрочный период	Не определяются в исходном; краткосрочный, текущий	Мировые, межнациональные; сочетание времени
<i>Уровень рациональности</i>	Преобладание общегосударственных интересов	Утилитарно-частная рациональность	Наднациональные, региональные интересы
<i>Отражение целостности, равновесности</i>	Стремление к общей политико-экономической картине, равновесию	Фрагментарная, функциональная, дискретная направленность; экономическое равновесие	Мир-экономика; глобальная система; институциональное равновесие
<i>Пользователь исследования</i>	Правящая элита государства	Менеджеры, политики в определенных рамках и сферах	Правящая мировая элита, менеджеры, политики разного уровня
<i>Единица измерения</i>	Стоимость	Ценность	Институциональная ценность

²⁰ Надо заметить, что у В. Леонтьева применяется другой подход (input-output) как к равновесию, так и в целом к воспроизводственному процессу.

Возможно, мы в развитие статьи несколько позже дадим характеристику каждой «клетке» этой табличной схеме. В рамках же этой статьи обратим внимание на базовые категории «стоимости», «ценности», «институциональной ценности». Как известно, стоимость – это базовая категория классической политэкономии. Последняя, кстати, не умерла, хотя ее влияние в силу даже идеологических причин, значительно ослабла по известным причинам методологической и гносеологической «вредности» этой теории. Ведь она вскрывала и в своем развитии вскрывает существенные причинно-следственные взаимосвязи и отношения. Стоимость – это, прежде всего, общественная норма и она разворачивается в целостную систему.

Ценность же, как вторая сторона или характеристика товара, была выдвинута представителями маржинализма. Думается, наступила предельная отдача от эволюции этой теории, если, мягко говорить, о ее гносеологической полезности. Критики здесь поступило довольно много и мы не будем вдаваться в подробности. Скажем так, надо признать, что требуется переход на новую парадигму и новый методологический подход к исследованию современных сложных хозяйственных процессов, уже оформленных в глобальные структурные образования. Центральной же категорией, на наш взгляд, новой теоретической доктрины выступает «институциональная ценность». Стоимость развитием производительных форм капитала модифицируется в цену производства, а монополистический капитал центральной или базовой регламентирующей нормой выдвигает монопольную цену. Международные монополии и ТНК в технологическую эпоху уже стандарты и трансферты используют как наиболее влиятельные инструменты регулирования хозяйственных процессов. Сегодня практически ни одно более или менее значимое явление не обходится без институциональных норм. Последняя же в любом случае в той или иной весовой категории имеет *институциональную ценность*. *Институциональная ценность* – это в высшей степени субъективированная категория подобна бренду товара, но выходящая на уровень формирования социально-политических и нравственно-этических и других норм и правил, которые *формируют* современное мирохозяйственное сообщество и *регламентируют* поведение не только субъектов хозяйствования, но и политических акторов, потребителей и пр.

Имеющиеся переводные и интерпретированные, похожие друг на друга отечественные учебные пособия по экономике, даже не ориентируют на поиск ответа на вопрос, а какая категория является субстанциональной. Ведь без ответа на этот вопрос даже в первом приближении нельзя понять природу цены. «Человек экономический» в «экономиксах» по-прежнему трактуется как существо, имеющее безграничные когнитивные способности, узко утилитарные склонности и жестко структурированные независимые предпочтения. Но даже на рынке чипсов, мягко говоря, эти предпочтения мало влияют на уровень цен. На последние в настоящее время доминирующее влияние имеют деньги. Но даже Дж. Сорос отмечал, что «деньги узурпировали роль подлинных ценностей. ... Но ложная гипотеза не может господствовать бесконечно долго» [21, с.24]. Поэтому, как пишет далее известный финансист, «когда мы применим экономические теории к реальному миру, то мы можем получить искаженную картину» [22].

НЕКОТОРЫЕ ПРАКТИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ

Значимость любой теории определяется возможностью на основе разработанных законов и закономерностей объяснить конкретные явления, а также предсказать возникновение желаемых или нежелательных новых явлений и ситуаций. Классическая политэкономия ответила на вызов своего времени, определив институциональный остов общества и стратегическое направление экономического развития, дав начало поиска причин, источников и общественных форм богатства²¹. Маркс в своей теории прописал более логично и четко самодвижение форм богатства с выделением возникающих новых институциональных норм эпохи промышленного капитала, ограничивающих развитие последнего. Кейнс, мужественно преодолев «стандарты» неоклассического мышления, своей теорией эффективного спроса расширяет предмет науки,

чем закладывает основы и дает ориентиры на изменение норм и правил реальной экономической системы. Частная теория монетаризма расширила производственные возможности за счет активизации спекулятивной нормы поведения хозяйствующих агентов, изменяя денежные отношения и рамки²².

Этим небольшим экскурсом хотелось бы обозначить действительно практическую значимость фундаментальной теории, результат и пользу которой иногда пытаются выразить суммой полученных денежных заказов. Здесь есть два парадокса. На первый когда-то обратил внимание Дж. Гэлбрейт: «Одна из редких, но хорошо вознаграждаемых профессий состоит в том, чтобы снабжать всех, кто в состоянии платить, нужными им выводами и умозаключениями, должным образом подкрепленными статистическими данными и моральным негодованием» [23, с.313]. Можно подсчитать, сколько денег было потрачено на разработку разного рода программ, предвыборных платформ, бизнес-планы и пр. Второй парадокс менее заметен. Теоретическая экономика, как фундаментальная наука, выступает своеобразным общественным благом. Этим благом в той или иной мере будут пользоваться и пользуются многие, но платить за эти разработки сегодня никто не хочет. К тому же теория формирует образ и нормативные параметры экономического мышления и поведения людей. Индивидам, мыслящим в единых теоретических рамках, легче понимать друг друга в своих стратегиях, что снижает неопределенность и трансакционные издержки в реальной практике. Снижение неопределенности и рост доверия контрагентов создает в свою очередь условия для составления более реальных по вероятности прогнозов.

Теоретическая экономика по своему предмету должна учитывать политическую сферу: ее идеологию, организационную структуру, режим власти, способ принятия и реализации политических решений, кадровые назначения и многое другое. Традиционный экономикс к политической сфере до сих пор относился как к экзогенному фактору. Отсюда ориентация на позитивный экономический анализ.

В. Ойкен подчеркивал, что если экономисты не будут заниматься изучением политической сферы, в которой осуществляются экономические процессы, то этим займутся сами бюрократы, «указав» экономистам место простого наблюдателя, или, иначе говоря, позитивного анализа, чему долгое время отдавали предпочтение экономисты. До сих пор сфера принятия и реализации политических решений является самой неисследованной и самой дискуссионной областью [24, с. 625]. Для этого есть соответствующие предпосылки. Любая власть любой страны всегда будет информационно, финансово, организационно ограничивать политико-экономические разработки. Будут финансироваться и признаваться лишь те выводы, которые не ориентируют на кардинальные институциональные изменения институциональной основы общества. Допустить экономическую науку в политический процесс означает приоткрыть занавес таинственности, который является частной собственностью бюрократии, а, следовательно, приносящей властную ренту.

Существует широко распространенный метод манипулирования «научными» знаниями с определенной целью на разных стадиях политического цикла. Такое явление распространено

²¹ Можно с иронией воспринимать высказывание У. Петти о роли труда и земли в производстве стоимости и богатства, но, учитывая господство меркантилистского духа в обществе этого времени, следует признать важность этого положения. А. Смит также достаточно смело для своего времени пишет: «...Государь со всеми своими судебными чиновниками и офицерами, вся армия и флот представляют непроизводительных работников. Они являются слугами общества и содержатся на часть годового продукта труда остального населения...» (А. Смит. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962, с. 245). Экономического обоснования роли и значения нынешней власти никто еще не сделал.

²² Правда, теперь финансовый сектор предлагают отнести к трансакционному сектору, порождающему трансакционные издержки, которые надо вычитать из ВВП (А. Е. Шаститко. Неинституциональная экономическая теория. М., 1998, с. 206-207).

широко во всех странах, включая и нашу республику. При привлечении же научных работников на определенные общественные должности приводит не только к мутации их мышления, но и поведения. Сказывается эффект зависимости от философско-психологических установок бюрократической олигархии. Отделить же интерес последних от государственного интереса и интересов существующих социальных групп и классов, сформировав, например, эффективную политику распределения доходов без обращения к целостному теоретическому анализу, вообще невозможно.

Специфическая проблема использования экономической науки существует в периоды системных преобразований, аналогичные нашему затянувшемуся периоду, названному переходным. Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что в этом метафоричном определении – «переходный период» – проявилась полная неготовность ни «западной», ни «восточной» науки²³ к прогнозу и управлению событиями, которые неожиданно возникли и возникают до сих пор. Реформы потерпели неудачу потому, что, как пишет Дж. Стиглиц, их научные представители не смогли понять современный капитализм, находясь под слишком сильным влиянием упрощенных моделей, заимствованных из учебников²⁴ [25, с. 8]. Действительно, пространственно-временные институциональные изменения, как главные проблемы любого переходного периода, оказались за пределами внимания экономистов-неоклассиков, обеспечивающих научно-идеологическое сопровождение современной реформы.

Кроме этого, есть еще одна методологическая посылка, от признания которой зависит более или менее адекватное отражение происходящих процессов. Центральной предпосылкой современной теории мейнстрима выступает аксиома о равновесности экономической системы. Но данная гипотеза абсолютно неприемлема для трансформационного периода, характеризующегося не только экономической неравновесностью, но и институциональными диспропорциями [26, с. 47-51]. Следовательно, нормативная часть экономической теории, мягко говоря, может иметь лишь информационно-интеллектуальный характер.

Позитивная часть экономической теории, на чем составил себе авторитет традиционный мейнстрим, также имеет существенные ограничения и погрешности при анализе неустойчивых ситуаций, характерных для мир-экономики в целом и транзитивных в частности. Дело в том, что позитивный анализ базируется на: а) использовании частных отдельных теорий; б) ориентируется на короткий период; в) формировании трендов, выстраиваемых на большом фактическом ценовом²⁵ материале, что потом используется при прогнозах; г) предполагается институциональное равновесие, оптимальные права собственности и нулевое значение трансакционных издержек. Но, во-первых, частные теории не воспроизводят целостно и глубоко всей картины сложных и динамичных процессов переходного периода. Во-вторых, ценовая информация в условиях системных изменений не является главной в этот период и к тому же всегда из-за инфляции несет искаженную картину. В-третьих, мышление категориями трендов возможно, если учесть другие ограничения, возможно, но лишь на базе достаточно большого временного периода. К тому же влияние современной международной финансовой системы на экономики всех стран также ограничивает возможности строить какой-то долгосрочный прогноз на основе трендов. В-четвертых, ситуация теоретической неопределенности, которая отражает переходный период, во многом лишает самого смысла сбора и накопления фактов.

²³ Для гуманитарных наук, а экономическая отрасль знания также относится к этой сфере, очень важен мировоззренческий аспект исследования, его экономические и другие интересы как социума.

²⁴ Подобного рода оценок можно найти немало. Р. Пребиш пишет: «Напичканный всевозможными теориями, я не мог понять, что происходит с аргентинской экономикой... Более того, я часто испытывал ощущение, что то, чему меня учили, не только не помогает осмыслению этой действительности, но и мешает изучать ее» (Р. Пребиш. Периферийный капитализм. М., 1992, с. 78).

²⁵ Цены в этих моделях являются единственным источником информации.

Есть еще одно обстоятельство, которое затрудняет как развитие, так и использование выводов теории. Это фактор кадрового ресурса. Дело в том, что в переходных состояниях наблюдается обычно быстрая сменяемость кадров на разных уровнях управления. Степень их теоретической подготовки, как показывает опыт, очень разная. Но именно от них во многом зависит оценка результатов теории и соответствующих рекомендаций. Управленческие кадры через финансирование и поддержку могут также стимулировать развитие экономической науки в определенном направлении. Сегодня политическая среда не ориентирует теорию на действительное отражение существующей реальности, как из-за непонимания теории, так и из-за своего нежелания терять политическую ренту, для которой переходный период имеет огромнейшие условия.

Таким образом, теория может быть логически непротиворечивой, практичной, значимой и востребованной, если она постоянно занимается, кроме всего прочего, анализом и ревизией всего гносеологического арсенала, сверяя его возможности с данными опыта. Задайте себе вопрос, а когда вы такой процедурой занимались в последний раз, и что с чем сравнивали? Любая теория не догма и не миф. Ее сегодня нельзя найти в библиотеке, равно как и на сайте в Интернете.

Для нынешних условий переходности и, соответственно, неопределенности, выстроить обоснованную и эффективную с точки зрения перспектив и тенденций 21 века возможно лишь через призму правильного определения предмета теоретической экономики. В ней, как в предмете любой науки, фокусируется исходные начала анализа, определенный код, ген, который в последующем разворачивается через целостную систему категорий, понятий, законов, которые отражают разные уровни хозяйствования определенного исторического этапа. Источники же развития и роста современной экономики находятся в плоскости деятельной кооперации широкой человеческой деятельности, отношений и хозяйственных связей²⁶. Но отказаться теоретику от своих исследовательских традиций – это очень большая ломка стереотипов мышления, которые требуют мужества, таланта и трудолюбия для выработки новых методологических подходов к изменившемуся объекту. Надо сказать, что такому переходу на новые исследовательские позиции не способствует и научное сообщество, управленцы, политики, хозяйствующие субъекты. Инерция господствующего экономического мышления – важный институциональный фактор стабильности общественно-экономической системы и, естественно, сильнейший элемент, тормозящий развитие экономической науки и практическое развитие. «Движение науки, - говорит А. Пуанкаре, - нужно сравнивать не с перестройкой какого-нибудь города, где старые здания немилосердно разрушаются, чтобы дать место новым постройкам, но с непрерывной эволюцией зоологических видов, которые беспрестанно развиваются и, в конце концов становятся неузнаваемыми для простого глаза, но в которой опытный глаз всегда откроет следы предшествовавшей работы прошлых веков. Не нужно думать, что вышедшие из моды теории были бесплодны и не нужны» [27, с. 158]. Это означает, что теория экономики без истории науки – пуста, история теории без философии экономики – слепа.

²⁶ Нобелевские премии экономистам за последние десяток лет свидетельствуют о более интенсивном повороте экономистов в межпредметную область исследования. Например, заслуги О. Уильямсона и Э. Остром (2009 г.) оказались значительными и оценены влиятельным научным сообществом за вклад в оригинальные и нестандартные исследования фирмы как основного звена хозяйственной системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нельсон, Р. Р. Эволюционная теория экономических изменений [Текст] / Ричард Р. Нельсон, Сидней Дж. Уинтер ; пер. с англ. М. Я. Каждана ; [Россия. Центр эволюционной экономики]. – М. : Дело, 2002. – 535 с.
2. Эггертссон, Т. Экономическое поведение и институты [Текст] / Трауинн Эггертссон ; пер. с англ. М. Я. Каждана ; науч. ред. пер. А. Н. Нестеренко. — М. : Акад. нар. х-ва при правительстве Российской Федерации, Дело, 2001. – 407 с.
3. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики [Текст]. — М. : Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 185 с.
4. Хайлбронер, Р. Л. Экономическая теория как универсальная наука [Текст] / Р. Л. Хайлбронер // THESIS. – 1993. – Т. 1. Вып. 1 – С. 41–55.
5. Лемещенко, П. С. Теоретическая экономика: структура, классические традиции и новые тенденции [Текст] : научное издание / П. С. Лемещенко. – Минск : БГУ, 2001. – 299 с.
6. Олейник, А. Н. Институциональная экономика [Текст] : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по эконом. направлениям и специальностям / А. Н. Олейник. – М. : Вопросы экономики, ИНФРА-М, 2000. – 415 с.
7. Кондратьев, Н. Д. Основные проблемы экономической статики и динамики: предварительный эскиз [Текст] / Н. Д. Кондратьев. – М. : Наука, 1991. – 562 с.
8. Менгеръ, К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности / К. Менгеръ. – С.-Петербург, 1894.
9. Жид, Ш. История экономических учений [Текст] : пер. с фр. / Ш. Жид, Ш. Рист. – М. : Экономика, 1995. – 542, [1] с.
10. Маршалл А. Принципы экономической науки [Текст]. В 3 т. / А. Маршалл ; пер. с англ., вступ. ст. Дж. М. Кейнса. – М. : Прогресс, Универс, 1993. – (Экономическая мысль Запада).
11. Робинсон, Дж. Экономическая теория несовершенной конкуренции [Текст] : пер. с англ. / Джоан Вайолет Робинсон ; вступ. ст. и общ. ред. И. М. Осадчей. – М. : Прогресс, 1986. – 471, [1] с. : граф.; 21 см. – Экономическая мысль Запада. ЭМЗ).
12. Kuhn Versus Lakatos, or Paradigms Versus Research Programmes in the History of Economics Blaug // History of Political Economy. — 1975. — № 7. —Р. 399—433.
13. Блауг, М. Экономическая мысль в ретроспективе [Текст] / пер.с англ. О. В. Буклемишева [и др.] ; науч. ред. : В. С. Автономов, Е. М. Майбурд. – М. : Акад. нар. хоз-ва при Правительстве Российской Федерации; Дело Лтд, 1994. – 687 с. – (Зарубежный экономический учебник).
14. The Structure of Economic Science : essays on Methodology / edited by Sherman Krupp, Englewood Cliffs. – N.J. : Prentice-Hall, 1966.
15. Баумоль, У. Чего не знал А. Маршалл : вклад XX столетия в экономическую теорию [Текст] / У. Баумоль // Вопросы экономики. – 2001. – № 2. – С. 73–107.
16. Алле, М. Единственный критерий истины – согласие с данными опыта [Текст] / М. Алле // Мировая экономика и международные отношения. – 1989. – № 11. – С. 24–40.

17. Лемещенко, П. С. Новая экономика и теория: закономерности эволюции [Текст] / П. С. Лемещенко // Беларусь и Россия: императивы общественного развития : сборник научных трудов. – Минск : ИСПИ, 2002. – С. 78–95.
18. Hicks, John. Economic Perspectives : Further Essays on ... / John Hicks // Post Keynesian Economics. – 1984. – Vol. 6. № 4. – P. 573–574.
19. Unknowledge and choice in economics : proceedings of a conference in honour of G. L. S. Shackle / G. L. S. Shackle ; edited by Stephen F. Frowen. – Basingstoke : Macmillan, 1990.
20. Мизес, Л. Человеческая деятельность : трактат по экономической теории [Текст] / Л. Мизес. – М. : Экономика, 2000. – 878 с.
21. Сорос, Джордж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности [Текст] / Джордж Сорос ; пер. с англ. С. К. Умрихиной, М. З. Штернгарца. – М. : Инфра-М, 1999. – 260, [1] с.
22. Сорос, Джордж. Сорос о Соросе. Опережая перемены [Текст] / Джордж Сорос ; пер. с англ. Б. Вивьен, К. Коэнен. – М. : ИНФРА-М, 1996. – 336 с.
23. Гэлбрейт, Д. К. Новое индустриальное общество [Текст] : пер. с англ. / Д. К. Гэлбрейт. – М. : Прогресс, 1969. – 480 с.
24. Политическая наука: новые направления [Текст] / ред. Р. И. Гудин, Х.-Д. Клингеманн, Е. Б. Шестопап. – М. : Вече, 1999. – 816 с.
25. Стиглиц, Дж. Куда ведут реформы? : (к десятилетию начала переходных процессов) [Текст] / Дж. Стиглиц // Вопросы экономики. – 1999. – № 7. – С. 4–30.
26. Лемещенко, П. С. Институционально-эволюционная теория современной экономической реформы [Текст] / П. С. Лемещенко // Вестник ассоциации белорусских банков. – 2001. – № 41. – С. 32–46.
27. Пуанкаре, А. О науке [Текст] / Анри Пуанкаре. – М. : Наука, 1983. – 560 с.

ЭКОНОМИКА И РАЗУМ

Корняков Василий Иванович

доктор экономических наук, профессор. Ярославский государственный технический университет,
кафедра экономической теории
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: vikorn1@rambler.ru

Аннотация. Все действия субъектов экономики разумны. Разум функционирует как сила природы. С пониманием роли разума связаны особенно экономика знаний, творчество и творческий труд, отчуждение, правильное использование экономических законов в современных условиях и т.д.

Ключевые слова: разум; мысль; производительные силы; производственные отношения; творчество; отчуждение

Код УДК: 330.112

Annotation. All the actions of economics' subjects are reasonable. The mind functions as the natural force. With the understanding of the mind's role is connected especially economic knowledge, creative work and creative labor, estrangement make the most of economic lows in modern conditions and so on.

Keywords: mind; thought; productive forces; relations of production; creative work; estrangement

Общество явно не в ладах с собственной экономикой. Здесь и внезапные тяжкие экономические и финансовые кризисы, и провал попыток добиться хотя бы технически обеспеченного экономического роста, и срыв обещаний вдвое уменьшить к 2015 году бедность, и трудовой оппортунизм, и многое иное. Фиаско государственных деятелей и экономистов (практиков и теоретиков), интеллектуалов развитых стран и всей планеты в коренных вопросах функционирования и динамики национальной и всемирной экономик заставляет задуматься о том, как же соотносятся разум и экономика.

Экономисты обыкновенно имеют дело с вещами, благами, их производством (в широком научном смысле слова), порождением вещей трудом, функционирующей рабочей силой, доходят до процессов наработки обеих сторон рабочей силы, – и ее дееспособности, и ее стоимости. Разум этими исследованиями как будто бы не затрагивается. Но все действия людей в экономике, производстве, процессах труда сознательны. Любое такое действие – реализация соответствующего решения разума. То есть фактически действующим началом, субъектом экономических процессов выступает, что не раз отмечалось, разум. Между тем, согласно содержанию, традициям, учебникам науки, разума в числе «действующих лиц» экономики не числится. В порядке постановки коснемся хотя бы некоторых аспектов этой обширнейшей темы.

СУБЪЕКТНОСТЬ РАЗУМА И ОБЪЕКТИВНОСТЬ-МАТЕРИАЛЬНОСТЬ ЭКОНОМИКИ. ПРИМАТ СУБЪЕКТА?

Разум (ум, а вместе с некоторыми другими качествами, – интеллект), согласно Толковому словарю Ушакова, – способность логически мыслить, постигая смысл и связь явлений, уяснять законы развития мира, – как бы воплощение субъектности [1]. Но, на мой взгляд, это не все. Полагаю, надо добавить еще, по меньшей мере, два качества. Во-первых, не кто иной как разум – фактический

соединитель индивидов в группы, сообщества, наконец, в человеческое общество, в социум. Конечно, реально действующее экономическое соединение людей достигается и обеспечивается в труде, в производстве. Но ведь каждый человек сначала должен увидеть и, главное, осознать других людей как членов общества, понять неизбежность, спасительность, неотвратимость трудового-производственного, социального и иного взаимодействия с ними. Индивидуальные разумы осмысливают и фиксируют пересекающиеся траектории таких взаимодействий и вводят людей в физически реальные труд, производство, социальные события и т.д. Это именно разум «вталкивает» людей в непрерывную и неразрывную сеть социальных связей, творит «человейник», сохраняет его, не допускает расползания «челомуравьев» неведомо куда. Будем называть это качество разума интегрирующим. И еще одно качество: органическая сопряженность с речью – устной и письменной. Без этой сопряженности вряд ли можно себе представить саморазвитие, обогащение, возвышение разума. Не так давно британский ученый Пол Мелларс свой вывод о возникновении членораздельной осмысленной речи примерно 100 тыс. лет назад сделал на основе анализа древнейших орудий труда. Как бы вдруг с человечеством произошли невероятные изменения: появились сложные орудия труда поражающего многообразия, что установило и доказало: мышление человека стало образным и обрешим язык [2, с.3].

Благодаря своим качествам, прежде всего – интегрирующему, разум, этот сгусток идеального, субъективного, не отгорожен китайской стеной от объективной материальной экономики. Материальный остов народного хозяйства и социалитета, то есть основные производственные и непроизводственные фонды, предметы производственного и непроизводственного потребления, – не что иное, как вещественная летопись достижений человеческого разума, интеллекта. К выпуску каждого отдельного объекта приложило руку множество людей. Но его материальному перворождению обязательно предшествовало его духовное, мысленное создание, «работа» разума. «...Пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове [3, с.189]»¹. Добавим от себя: обязательно и непременно в чьей-то индивидуальной голове, ибо никаких иных голов не существует и существовать не может. Например, «общество в целом», столь часто фигурировавшее в политэкономических публикациях советского периода, «головы» не имеет, ни разумом, ни психологическими характеристиками не обладает. То же самое относится и к бытующим в социально-экономических публикациях «коллективной личности», «всеобщему интеллекту», к творческим научным коллективам, институтам. В их фирменных запатентованных разработках нестандартные новаторские элементы всегда найдены-подсказаны не «институтом в целом», а индивидуальными, хотя и обменивающимися идеями скооперированными умами, – например, в процессах «мозговых штурмов», когда чья-то личная идея становится победившей и «общей». И можно не сомневаться, что принципиально так же происходило во все времена. В характеристиках разума справедливо выпячивается присущая ему способность творческого мышления, то есть провидения в сущем совершенно новой, пока еще не существующей реальности. Его можно сравнить с особым зрением личности, ее вроде бы лучом прожектора, обращенным вовне, в познаваемый мир, в котором в коловороте известных и познанных вещей особыми усилиями разума, его особой энергетикой обнаруживаются, прорисовываются вещи и решения, никому до этого момента не встречавшиеся.

Индивидуальный разум – та точка бытия, в которой обретает первоопределенность все то новое в жизнедеятельности людей, которое образует их технический и социальный прогресс. Конечно, отдельная точка-разум не в состоянии обеспечить фронтальное возвышение человечества.

¹ К.Маркс здесь как будто бы повторяет рассуждения Платона, из которых следует, что сначала возникают идеи, замыслы, планы вещи, и лишь затем – сама вещь. Заявлен даже взгляд, что все, порожденное существованием и деятельностью человека и социума, – идеальное, а материально лишь то, что не никак не поддавалось воздействию деятельности людей: «Весь человеческий мир идеален... В человеческом мире ничего «материального» не существует» [4, с.6]. Автор высказывания, С.П. Никаноров, каким-то образом упустил из виду, что атомы и молекулы вещей «второй природы» – это естественная субстанция, в появлении которой человек не принимал ни наималейшего участия.

Но разворачивается бесконечная эстафета достижений многих индивидуальных разумов, слагающаяся в общую поступь науки, общественного сознания и соответственно материально запечатлевающаяся всем миром «второй природы».

Здесь к месту констатация того прискорбного факта, что свершения разума достигнуты при самых неблагоприятных условиях его использования. «На сегодня потенции общественного интеллекта используются в мизерной доле: 1–5% и даже меньше. В.А. Иванов в этой связи говорит о суперактивах разума, которые, при своем совершенствовании в 2 раза, способны повысить энергетику любой системы и сферы общества в 3–5 раз и больше: наука, образование, организация, культура и т.д.» [4, с.6].

Итак, экономика материальна, но в то же время как будто бы и «разумна». Разумны все действия индивидуальных субъектов экономики, – ими управляют индивидуальные разумы. При этом все эти действия манипулируют вещами, которые когда-то изначально были «построены головами» в ходе духовной деятельности людей. Субъективная деятельность настоящего времени, оперирующая плодами субъективной деятельностью прошедших лет, – вот чем как вроде бы является экономика.

ВСЕ-ТАКИ ОБЪЕКТИВНОСТЬ?

Здесь, однако, необходимы значащие уточнения. Понятно, что вхождение в экономику новой вещи – это не только само ее «строительство в голове». А «строительство в голове» – это не целиковый процесс создания даже «чертежа» нового материального элемента экономики, а только его, всего этого «черчения», часть. Появление такого «чертежа» начинается не от головы. С чего это голова вдруг принимается за «черчение»? Очевидно, что «черчение» в голове не самозарождается. В метафоре Маркса архитектору предстоит стройка. Он это не просто знает, он должен на этом сосредоточиться, вынужден напрячься. Голова, разум выражено, мощно принуждаются извне к поиску, к «черчению». Это – типичное развитие событий. В обществе с настоятельностью закона природы непрерывно складываются ситуации объективной необходимости в той или иной новой вещи, в том или ином новшестве. История богата примерами, когда создание-появление новации спасало-выручало людей примерно так же, как изобретение «греческого огня» Архимедом спасло осажденные врагами Афины.

Итак, предваряющее любую созданную людьми вещь «строительство» этой вещи в чьей-либо голове ее мышлением – не спонтанный, а объективно вынуждаемый процесс. Теперь примем, наконец-то, во внимание то фундаментальное (и важнейшее для данной работы) положение, что сам человеческий разум с его продуктом, мыслью, по В.И. Вернадскому, – природная сила. Действительно, непререкаемым фактом развития Природы и, соответственно, науки является фактически и логически прослеживаемая эволюция Вселенной, Солнца, Земли, ее сфер, рождения на ней жизни, человека, его разума. Но эта линия вселенской эволюции ныне не может рассматриваться как гомоцентрическая. Могучий «напор» Природы к сотворению разума не локализован видом *homo sapiens*, не ограничен им. Наука наших дней уже вынесла вердикт о разумности дельфинов: по шкале Портмана, интеллект дельфинов (195 баллов) почти не уступает человеку (215 баллов). Высок интеллект шимпанзе, других животных, даже птиц (причем не только врановых и попугаев). Несомненные признаки разумности зафиксированы в поведении многих живых существ от осьминогов до пчел. Рядом выдающихся мыслителей сделан весьма логичный вывод: Природе требуется (стало необходимым) самопознание (в чем видят «космическую миссию человечества»). Этому как будто бы противоречит то обстоятельство, что неземного разума пока что официально не открыто. Но ситуация здесь сходна с различием дипломатического признания страны де-юре и такового де-факто. Достаточно познакомиться с материалами таких исследователей, как знаменитая летчица-испытатель действительный член пяти академий

М. Попович [5, с.2], чтобы стало очевидным: изменение позиций официальной науки – не за горами. Но, конечно, и наши земные мысль, разум как природная сила, и инопланетные разумы, если таковые существуют, не имеют той вездесущности, которой обладает, к примеру, природная сила электричества. Сила разума для огромных пространства «мертвой» Вселенной возвращается, концентрируется в «оазисах» вроде нашей Земли, являясь одновременно пока еще редкой, но в то же время, повидимому, космополицентрической природной силой.

История и логика ее порождения заставляет рассматривать ее прежде всего как целостность. Цепочка от эволюции Вселенной и Земли исторически и логически венчается не отдельной изолированно рассматриваемой индивидуальностью как таковой, а земным разумом. Значимость каждой индивидуальности – не только и не столько в ней самой. Эта значимость прежде всего и более всего в том, что (и в какой мере) личность представляет собой как бы «квант» земного разума, его единичный образ, единичное подобие (наряду со многими иными), и лишь затем – собственно уникальность-индивидуальность (хотя и эта уникальность, как будет показано, – звено общего механизма действия земного разума). Отсюда бесценность любой индивидуальности с ее разумом. Но индивидуальный разум прямо «встает» в указанную цепочку в той мере, в какой он перестает быть изолированно индивидуальным, – например, либо когда сам «овладевает массами», либо оказывается в их общем движении. Самоизолирующаяся индивидуальность, социальный отшельник-единоличник, как бы высоко он ни ценил сам себя, может (наподобие спрятавшегося в глухой тайге старообрядца) оказаться вне естественно-исторического процесса.

Появление «костной и мускульной системы» и экономики, а также всего социалитета можно укрупненно представить единым трехзвенным общественным, но объективно детерминируемым процессом. В нем первое звено – рождение новых жизненных насущных потребностей членов социума в пока еще не существующих средствах своего насыщения, нарастание «кусачести» этих потребностей. Объективный, внешний для разума процесс. Второе – осажденное и инициированное внешней необходимостью создание разумом (через его индивидуальных носителей) идеального первооблика еще отсутствующей в практике вещи. Материально направляемое, можно сказать, выдавливаемое из головы, из мозга развитие. Здесь мысль, как новорожденная вулканическая лава, направляется объективными обстоятельствами «течь» определенным образом. Разум вообще может обязываться участвовать в чуждых ему, для него индивидуально неподходящих-неприемлемых процессах, мыслить как бы вопреки самому себе, своему «я». Например, человек участвует в акции по предписанию группы, к которой он принадлежит, не разделяя в данном случае мнений группы (несносно, заметил А.С. Пушкин, «...Глядеть на жизнь, как на обряд,/ И вслед за чинною толпою/ Идти, не разделяя с ней/Ни общих мнений, ни страстей») [6]. Субъективная деятельность (мышление) здесь – подневольная соучастница объективного для себя процесса. При создании материальных новшеств на мышление как раз давит такая же внешняя необходимость (или хотя бы желательность). Происходит «вписывание» деятельности мозга в объективно необходимые, объективно обязательные процессы. И, наконец, третье звено: физическое появление и распространение нового, ранее не использовавшегося предмета, всем хорошо известное материальное производство. Таким образом, в целом весь процесс по своему основному содержанию оказывается материальным и объективным, проходящим над индивидуальными сознаниями, хотя и включающим в себе (во втором звене) незаменимое соучастие этих индивидуальных разумов.

Итак, субъект-разум, индивидуальный разум, может функционировать и в этом смысле жить внутри противостоящего ему объекта, «работать» вместе с ним, исполняя единую «мелодию». Точно так же все разумы (цивилизация), проживая и функционируя внутри окружающего нас мира Природы (своей *alma mater*) тысячелетиями, могли (вплоть до последнего столетия) приспособливаться к важнейшим ее устоям, развивать (в основном) социум в рамках ее самосохранения.

Это не единственный парадокс сопряжения субъекта-разума с объективностью. Парадоксы таких сопряжений наличествуют даже...внутри самого разума. В этой связи можно вспомнить о факте многомерности возможностей одного и того же индивидуального разума при независимости, «внешности» содержания одних его возможностей от содержания других. Возможности разума всегда больше тех, которые выявляются даже при его, казалось бы, величайшей сосредоточенности на решении определенной проблемы. Например, при любой такой сосредоточенности ему, по-видимому, присуща, сверх напряжения всех сил, рефлексия как осмысление собственной деятельности. Степень успешности рефлексии явно не зависит от успешности решения некоторой проблемы. Получается, что для разума умственная деятельность одного рода внешняя, независима относительно умственной же деятельности другого рода, то есть разные аспекты активности одного и того же разума могут быть взаимно независимы друг от друга или друг для друга объективными. Скажем, страсть П.И. Чайковского собирать грибы и его музыкальная деятельность. Или показанная А.С. Пушкиным «пара»: гений и злодейство. Более того: относительно независимыми, внешними друг для друга могут быть даже как будто бы очень близкие разумно-духовные процессы личности. Тот же П.И. Чайковский, гениальный композитор, не был обладателем музыкальной памяти такой же мощи; и напротив, известны люди с абсолютными музыкальными памятью и слухом, не обладавшие практически никаким талантом композитора.

Таким образом, переплетенность разумного-субъективного и объективного наличествует даже в самом субъекте, и разумное-субъективное может так участвовать в объективных процессах, что не колеблет их, не выходит за их извне заданные рамки, порой даже не «заявляет» (в них) о своей субъектности. Но это не значит, что в экономике, в экономических процессах разум как разум принципиально неактивирован, субъект (либо вынужденно, либо по своему желанию) слит с объектом, существует-функционирует лишь в его тени.

РАЗУМНОСТЬ РАЗУМА

Субъектность, разум наличествуют в экономике столь же выражено, как во всех процессах, происходящих в обществе, постоянно «натякаясь» на очерченные объектом рамки и, конечно, выходя за их пределы. Выходя за эти рамки, разум вносит свой специфически «разумный» субъективный (не сводящийся к объективным «предписаниям») вклад как в производительные силы, так и в функционирование экономических отношений. Причем этот вклад, материализовавшись в производстве продукции, тем самым сразу же объективируется.

Сначала о производительных силах. Уже при «оснащении» экономики вещественными факторами труда-производства разум не механически «заполняет» представляемые ему ходом жизни «вакантные» ячейки неудовлетворенных насущных общественных нужд, потребностей. Конечно, выполнение ненаписанных-непроизнесенных «заказов» социума в большинстве случаев происходит с достаточно точным «попаданием», с удовлетворительной мерой «притирки» к тому, что востребовано объективным развитием. Отсюда – непрерывно идущие (с разной скоростью в зависимости от социальных факторов) обновления «второй природы», мира технической реальности. Но далеко не всегда. Известны случаи, когда разум слишком долго не использовал предоставленные ему возможности. Так, телескоп Максудова был изобретен и произведен спустя сотни лет с того момента, когда такое изобретение стало возможным. И вполне вероятно: люди не располагают какими-то полезными вещами по той причине, что разум попросту не увидел или потребностей в этих вещах, или возможностей их создать. Точно так же можно полагать, что человечество пользуется и некоторыми ограниченно полезными вещами, не сумев до конца раскрыть их полную полезность. Вместе с тем разум в своей активности способен не только к «недолетам» (относительно даже так называемых действительных потребностей), но и к «перелетам», причем двух совершенно различных типов.

Один из них имеет место при подчинении разума ущербным целям, рожденными, впрочем, некоторыми социальными отношениями, – таким, как подготовка войны или навязывание покупателям ненужного им продукта (исключительно ради обогащения собственников производства). Это – расточение потенциала здорового экономического роста, тупики развития самого разума, мышления, науки. Но главное русло науки все же перемогает эти тупики. И сейчас наука, разум решающим образом определяют развитие производительных сил, причем более всего и вопреки тупикам – адекватными собственной природе разума способами. А эта собственная природа увидена уже А.С. Пушкиным. Поэт точно отметил: ум любит простор и теснит все то, что этому препятствует. Тупиковые «перелеты» затормаживают это его свободное развитие. Хотя бы тем, что множество раз его достижения «запирались на замок» соображениями секретности; что интеллект не может не сознавать губительности своих противогуманных лжеуспехов и т.д. Неутешному ущербными целями разуму – крыльям человечества – органически присущ другой тип «перелетов». Это тип безграничного-бесконечного саморазвития его творческих составляющих. Нужны-полезны даже дальние «перелеты». Не материализуясь во «второй природе», они расширяют гипотезами, теориями просторы свободного мышления индивидуальных разумов. В общественном масштабе складываются кооперация, сотрудничество ищущих разумов, порождая крепнущую, наиважнейшую для судеб человечества тенденцию, вершинным воплощением которой выступает сообщество творческих разумов, – ноосфера, истинно разумный строй. Наука все более утверждает в выводе о необратимости эволюции, запрете ее обратного хода. Это подтверждает уже сделанный выше вывод, что ее конечный и высший смысл – в обеспечении самопознания природы, первенства разума в системе природных сил.

Примерно так же, как с производительными силами, обстоит дело и с производственными отношениями. Конечно, новые производительные силы почти принудительно втаскивают людей в изменения производственных отношений. Но всегда существуют, с одной стороны, силы инерции, а с другой – первопроходцы, чьи разумы раньше принимают соответствующие решения. Как и в мире техники, социальная история изобилует «перелетами», проектами, выходящими за рамки текущих возможностей и либо пополняющими архивы несбыточных фантазий, либо высвечивающих предстоящие пути человечества.

Как явствует из сказанного, в самом общем итоге разум в экономике действует тем трояким образом, который обозначил Ф. Энгельс на примере роли государства [7, с.394-394]: он подталкивает объективное развитие экономики, может действовать против этого развития и, наконец, действовать одновременно в обоих направлениях. Разумеется, социум заинтересован в наивысшей полноте реализации первого варианта. Более того: в передовых странах разум с его свойствами познавать, мыслить, открывать, интегрировать – основной ресурс полной, высшей реализации возможностей информатики и высоких технологий.

Продолжение в следующих номерах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/> – Дата доступа: 21.11.2010.
2. Деменко, С. Обрели речь [Текст] / С. Деменко // Российская газета. – 2010. – 24 сентября. – С. 3.
3. Маркс, К. Сочинения [Текст] Т. 23 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. М. : Госполитиздат, 1960. – 907 с.

4. Никаноров, С. П. Философия для физтеха [Текст] / С. П. Никаноров // Экономическая и философская газета. – 2003. – № 41.
5. Лесков, Д. Учитесь у осьминогов [Текст] / Д. Лесков // Труд. – 2007. – 19 июля. – С. 2.
6. Пушкин А. С. Евгений Онегин [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://pushkin.niv.ru/pushkin/text/evgenij-onegin/onegin_8.htm. – Дата доступа: 21.11.2010.
7. Маркс, К. Сочинения [Текст] Т. 37 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1965. – 599 с. : ил.

РИСКИ НЕСОВЕРШЕННОЙ КОНКУРЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Гордеев Валерий Александрович

доктор экономических наук, профессор. Ярославский государственный технический университет, заведующий кафедрой экономической теории
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: vagordeev@rambler.ru

Шкиотов Сергей Владимирович

Ярославский государственный технический университет, старший преподаватель кафедры экономической теории
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: shkiotov@mail.ru

Аннотация. В данной статье исследуются теоретические аспекты развития конкуренции в условиях глобализации современной экономики. Рассматриваются новые специфические риски, связанные с возникновением и функционированием крупных (монополистических) хозяйственных объединений.

Ключевые слова: конкуренция, глобализация; субъекты и объекты конкуренции; конкурентное поле; «слишком большие, чтобы обанкротиться»

Код УДК: 346.546.1

Annotation. The article considers theoretical aspects of the development of competition in the global economy. There new specific economic risks have been searched which are bound to the raise of «to big to fail» companies.

Keywords: competition; globalization; subjects and objects of competition; field of competition; «to big to fail»

Глобальный экономический кризис вновь остро поставил вопрос о необходимости и степени государственного регулирования экономики. Объективный процесс консолидации активов на уровне отдельных национальных компаний стал ответом на вызовы ужесточающейся конкуренции на глобальных рынках. В этих условиях государство сталкивается не только с классическими проблемами несовершенства рыночной конкуренции, но и специфическими, новыми рисками, генерируемыми крупными (монополистическими) хозяйственными объединениями.

В начале нашего исследования рассмотрим, как количественные и качественные изменения в структуре общественного воспроизводства, инициированные глобализацией, повлияли на механизм, лежащий в основе функционирования современной экономики – конкуренцию. Здесь необходимо отметить, что если на ранних этапах развития международного разделения труда конкуренция играла незначительную роль и сводилась к соперничеству стран за наилучшие условия доступа к дефицитным факторам производства, то по мере развития производительных сил значение конкуренции возрастало: «...так, во второй половине 20 в. конкуренция приобретает новые черты: свободная конкуренция частных товаропроизводителей на изначально открытых рынках сочетается в самых разнообразных формах с конкуренцией монополистических и олигополистических структур на частично закрытых, в том числе с помощью политики

протекционизма, рынках; постепенно происходит сдвиг от использования в основном ценовых методов конкуренции к преимущественно неценовым»[1].

Мы, в свою очередь, дополняя эти выводы, выделяем ряд новых аспектов, объясняющих изменение роли конкуренции в условиях глобализации.

Во-первых, появление *новых объектов конкуренции*. Благодаря стремительному развитию технологий в глобальной экономике постоянно возникают новые объекты конкуренции – товары и услуги, что, по сути, означает расширение конкурентного поля. С одной стороны, это можно объяснить усиливающейся дифференциацией товаров, услуг и желанием покупателей приобретать продукцию, учитывающую местные культурные особенности и традиции, с другой – процессом конвергенции цифровых технологий, приводящим к возникновению множества новых товаров и услуг, особенно в высокотехнологичных отраслях экономики. Причем появление самих новых товаров, связанных с технологическим сектором экономики, помимо всего прочего, создает не только новые рынки и отрасли сами по себе, но и поддерживающую, обслуживающую инфраструктуру, а также сферу услуг.

Во-вторых, появление *новых субъектов конкуренции*. Глобализация, унифицировав условия международного производства и обмена, создала условия для выхода фирм за пределы юрисдикции национального государства во все возрастающем масштабе. Этому способствовали такие факторы, как доступность капитала для новых предприятий, сегментация потребительских рынков, изменения в регулирующем законодательстве, снижение торговых ограничений, новые технологии производства и менеджмента взаимоотношений с покупателями и поставщиками. Можно добавить к указанному перечислению и такие факторы, как новые средства информации, включая интернет с его многофункциональностью, адресной рассылкой, контекстной рекламой и электронной почтой, а также новые каналы распределения, чаще всего связанные с увеличением объемов и направлений товарооборота, как в случае с мелкооптовой розничной торговлей, где происходит расширение ассортимента товаров и услуг. Более того, глобализация и научно-технический прогресс превращают предпринимателей, ранее никак между собой не связанных, в конкурентов. Этому способствуют изменения в законодательстве, появление новых конкурентов в секторах экономики, ранее регулировавшихся государством, а кроме того, выход зарубежных конкурентов на рынки других стран, развитие электронной коммерции. Все это позволило небольшим локальным и региональным компаниям расширять сферу своего присутствия на зарубежных рынках, что на практике также означает расширение поля конкурентной борьбы. Таким образом, появление новых субъектов конкуренции, с одной стороны, расширяет конкурентное поле, а с другой, - не следует забывать и о том, что чем больше игроков на рынке, тем меньшей рыночной властью они обладают, а следовательно, степень интенсивности конкуренции возрастает.

В-третьих, *снижение входных барьеров на рынки*. Речь идет об институциональной и интегрирующей роли информации и технологий в глобальной экономике: снижение транспортных издержек и развитие коммуникационных технологий ускорили развитие как реального сектора мировой экономики, так и финансовых рынков в силу ускорения передачи и увеличения объема информационного потока. Качественно новая ступень развития средств транспорта, удешевление стоимости транспортных перевозок, увеличение скорости и надежности транспортировки грузов сыграли огромную роль в расширении экономических связей между всеми участниками современной экономики. Кроме того, прогресс в области транспорта способствует миграции людей, как на временной основе, так и с переездом на постоянное местожительство, что становится существенным фактором, влияющим на экономическое развитие стран. В то же время развитие коммуникаций и интернета позволяет мгновенно устанавливать связь между любыми точками земного шара, поэтому удаленность экономических контрагентов друг от друга теперь не является серьезным препятствием для их совместной производственной деятельности. Современная информационная среда позволяет формировать системы, которые управляют производством,

расположенным в разных странах, из одного центра. Возможность получать необходимую информацию в режиме реального времени и быстро принимать бизнес-решения беспрецедентно облегчает организацию как международного инвестирования капиталов, кооперирования производства и маркетинга на межфирменном уровне, так и взаимоприспособления, унификации макроэкономической политики разных государств на уровне правительств и центральных банков. По сути, указанные нами факторы – рост коммуникационного и транспортного сектора мирового хозяйства – стали каркасом, инфраструктурой глобальной экономики, а сочетание доступности информации и «сжатие» экономического пространства и означает снижение входных барьеров на глобальные рынки. В то же время унификация национальных правовых систем, процедур взаимодействия, правил международной торговли, других институтов, а также потребительских предпочтений не только означает универсализацию условий рыночного взаимодействия, но и позволяет говорить о значительном упрощении самой процедуры проникновения на рынок.

Устанавливая единые «правила игры» для всех субъектов мирового хозяйства независимо от их национальной принадлежности, глобализация значительно интенсифицирует не только производственные процессы, но и саму конкуренцию. Интенсификация, ужесточение конкуренции не может не вызвать ответной реакции субъектов, сталкивающихся не только с угрозой внешнего соперничества, расширяющимся полем конкурентной борьбы, но и сокращающимися прибылями. Именно в этих условиях коренным образом меняется восприятие роли конкуренции и монополии. Об этом, например, справедливо, пишут Ю. Киндзерский и Г. Паламарчук: «...основы и рычаги конкурентной политики и обеспечение конкурентоспособности кардинально эволюционировали за последние полстолетия: от полного отрицания монополии как тормоза, который сдерживал развитие, до подъема и стимулирования ее как основы повышения эффективности производства и обеспечения конкурентоспособности; от рассмотрения монополии только в пределах национального хозяйства до ее рассмотрения в качестве субъекта международной деятельности; от ограничения деятельности монополии и контроля за монопольными рынками до обеспечения условий, которые бы устраняли преграды для доступа на монопольные рынки; от традиционного антitrustовского регулирования до стимулирования восстановления высокого уровня концентрации производства» [2, с.20].

Этот вывод закономерен, так как на глобальных рынках, где постоянно возрастает накал конкурентной борьбы, могут победить лишь субъекты, как резонно замечает И. Галица, имеющие «стальные экономические мускулы» [3, с.42]. Отсюда следует, что на глобальных рынках (особенно на рынках глубокой переработки продукции и высокотехнологических рынках) зачастую могут победить лишь экономические субъекты, имеющие монопольный статус на национальном рынке. При этом глобализация вносит собственные коррективы в развитие указанных процессов, предопределив отличительную черту современных монополий – международность – не по признаку происхождения используемого капитала (он, как правило, остается национальным), а по географическому району экономических интересов.

Вместе с тем функционирование крупных (монополистических) хозяйственных объединений в условиях глобализации актуализировало проблему новых специфических рисков, ранее разрешавшихся на национальном уровне посредством механизма антимонопольного регулирования. Речь идет о том, что самые крупные банки и компании ведущих стран мира стали «слишком большими, чтобы обанкротиться». К сожалению, это осознали не только политики, экономисты и регулирующие органы стран, но и сами банкиры и предприниматели.

Ситуацию *too big to fail* — «слишком большой для банкротства» (TBTF) мы рассматриваем как потенциальную возможность банкротства системообразующих банков и компаний, создающую риски для макроэкономической стабильности всей национальной экономики. Приведем лишь некоторые из этих рисков (табл. 1).

Таблица 1

Последствия ТВТГ для национальной экономики

Последствия для реального сектора экономики	Последствия для финансового сектора экономики
• спад производства	• рост неплатежей
• рост безработицы	• ограничение денежной массы в обращении
• снижение налоговых поступлений	• снижение кредитной активности
• сокращение инвестиционной активности	• удорожание кредита для заемщиков
• снижение ВВП	• инфляционные риски
	• сокращение совокупного спроса

Необходимо отметить, что одним из важнейших последствий глобального экономического кризиса стало новое осознание того, что объем активов, накопленных крупнейшими банками США и Европы, с одной стороны, и количество рабочих мест, создаваемых промышленными гигантами развитых стран, – с другой, по сути, означают «неприкосновенность в силу значимости», их крах создает слишком значительные системные риски.

После того, как глобальная экономика ощутила на себе последствия падения старейших игроков инвестиционного банкинга - Merrill Lynch и Lehman Brothers, регулирующие органы развитых стран мира единодушно принялись пополнять ликвидность и капитализацию системных финансовых институтов, поскольку оказались напуганы возможностью тотального коллапса.

Как следствие, самые большие банки мира сумели безбедно существовать в течение рецессионного 2009 года лишь благодаря своему весу и значимости в системе, — конечно, не бесплатно, за счет налогоплательщиков и роста государственной задолженности. После того, как правительства развитых стран влили в системные банки многомиллиардные стимуляционные пакеты, отсрочив на время риски коллапса мировой финансовой системы, настало время для анализа. Политические лидеры мира задумались, насколько оправданными были эти расходы и как можно нейтрализовать возможные побочные эффекты, вызванные оппортунистическим поведением банков (табл. 2).

Таким образом, лояльная государственная политика по отношению к крупнейшим финансовым институтам привела, с одной стороны, к продолжению рекордных выплат бонусов и других видов вознаграждений топ-менеджерам (за счет средств налогоплательщиков), постепенному росту числа высокорисковых операций на финансовых площадках и нарушению межбанковской конкуренции, а с другой – к росту объемов бюджетного дефицита и государственного долга, а также сокращению кредитования реального сектора экономики. Гарантированная государственная поддержка увеличила аппетиты к риску топ-менеджеров финансовых учреждений, при одновременном снижении мотивации к усовершенствованию бизнес-процессов и риск-контроля.

Потребовалось почти два года после краха Lehman Brothers и более трех лет с начала глобальной рецессии для того, чтобы ведущие страны наконец-то решились на реформирование системы финансовых институтов.

Таблица 2

Некоторые меры поддержки крупнейших компаний в ЕС, РФ, США (2009 год)

Страна	Размеры поддержки
В Российской Федерации:	
• государственные гарантии по кредитам предприятий	10 млрд. долл. США
• поддержка автомобильной отрасли	2,5 млрд. долл. США
• пополнение капиталов крупнейших банков	12,9 млрд. долл. США
• общая стоимость антикризисного пакета	40 млрд. долл. США
Во Франции:	
выкуп долгов крупнейших банков:	
• Credit Agricole SA	3 млрд. евро
• BNP Paribas	2,55 млрд. евро
• Societe Generale	1,7 млрд. евро
• Caisses d'Epargne	1,1 млрд. евро
• Banque Populaire	0,95 млрд. евро
• Credit Mutuel	1,2 млрд. евро
суммарные вложение составили:	10,5 млрд. евро
В США:	
• поддержка General Motors	49,9 млрд. долл. США
• поддержка American International Group (AIG)	70 млрд. долл. США
• поддержка Citigroup	220,4 млрд. долл. США
• поддержка Bank of America	97 млрд. долл. США

Источник: Рассчитано авторами на основании данных порталов www.expert.ru, finance.ua, money.cnn.com [4, 5, 6]

Так, в США предлагают наложить законодательные ограничения на размеры пассивов крупнейших банков, а также ограничить банковскую практику торговли ценными бумагами за счет собственных средств (*proprietary trading*), в том числе за счет вкладов граждан, застрахованных государством. В числе новых мер финансового регулирования президент США также назвал лимитирование размеров финансовых корпораций и ограничение деловых связей банков с такими «теневыми» инвестиционными институтами, как хедж-фонды и фонды *private equity*. Эти жесткие регулирующие инициативы можно обобщить высказыванием Б. Обамы: «...никогда больше американские налогоплательщики не станут заложниками банков, которые слишком велики, чтобы рухнуть» [7].

Меры по регулированию банковского сектора, которые разрабатывает Россия совместно с европейскими партнерами, более сдержанны, что отчасти объясняется, по нашему мнению, меньшими потерями, понесенными финансовыми институтами этих стран. Например, введение государственной программы реструктуризации или механизма банкротства, позволяющего быстро реорганизовать крупное неплатежеспособное учреждение, рассматриваются Европейским Центральным Банком как важная часть реформ, позволяющая бороться с кризисом своевременно и эффективно.

Базельский комитет, в свою очередь, считает необходимым вводить дополнительные меры относительно ликвидности и достаточности капитала для системных финансовых институтов и транснациональных банков. Своего рода обобщенным принципом европейских инициатив в сфере финансового регулирования является следующее высказывание А. Кудрина: «...нужно не наказывать, а работать на будущее» [8].

В настоящее время активно обсуждаются и другие инструменты, направленные на регулирование деятельности как ТВТФ, так и всей финансовой системы в целом. К ним относятся: более жесткие требования к соблюдению уровня ликвидности для системообразующих банков; более строгий контроль и надзор за их деятельностью со стороны международных финансовых институтов (МВФ); налоги, направленные не на «возврат наших денег», а на интернализацию внешних последствий экономической деятельности, и т.д. Новые оценки общих финансовых затрат на регулирующие меры варьируются в зависимости от страны, но, как правило, речь идет о нескольких процентных пунктах ВВП, а следовательно, дополнительной нагрузке на дефицитные бюджеты развитых экономик.

Важным остается вопрос о том, изменил ли глобальный кризис ментальность банковской системы, которая благополучно преодолела состояние спада? По всей видимости, на него можно дать отрицательный ответ: банки, значительно сократив масштабы кредитования, интереса к рискованным играм не потеряли, по сути, проблема ТВТФ остается не решенной: «...банки, которые слишком велики, чтобы обанкротиться, также слишком велики, чтобы существовать. Если они продолжат свое существование, то они должны существовать в виде так называемой «утилитарной» модели, что означает, что они подвергнутся сильному регулированию» [9].

Помимо внешних рисков, генерируемых ТВТФ в целом для национальной экономики, нельзя забывать и о том, что любая крупная производственная структура (имеющая или не имеющая монопольный статус на внутреннем рынке) с административно-командными внутрифирменными механизмами управления по мере дальнейшего укрупнения теряет свою мобильность, что существенно снижает эффективность ее хозяйствования. Эта объективная закономерность объясняется тем, что в крупных субъектах хозяйствования с жесткими иерархическими внутрифирменными механизмами управления существует система многоуровневого и многоступенчатого согласования управленческих решений и действует параболический принцип их принятия. Последний состоит в том, что решение проходит согласование на всех уровнях (начиная с самого низшего) и лишь после этого «поднимается» наверх и утверждается руководством фирмы,

а затем последовательно доводится («спускается») до всех уровней управления. При этом происходит делегирование ответственности с нижестоящего уровня на вышестоящий (вплоть до высшего руководства фирмы), а это, в свою очередь, приводит к размыванию ответственности за подготовку и принятие решений, что неминуемо отрицательно сказывается на их качестве. К тому же в таком случае отсутствует прямая зависимость между оплатой труда менеджеров среднего уровня и результатами их деятельности, а также существует возможность на каждом уровне управления «задушить» любую творческую инициативу нижестоящего сотрудника. В такой ситуации создается возможность сопротивления инновациям со стороны менеджеров среднего звена, так как внедрение этих инноваций не приносит существенной прибыли менеджерам и в то же время существенно изменяет их устоявшиеся условия работы. Таким образом, возникает «конкуренция компетенций», то есть конкуренция за сферы влияния внутри фирмы и внутрифирменные ресурсы.

Парадоксально, но сам характер рыночной конкуренции, стремление объединиться в целях захвата доли рынка или противостояния более сильным экономическим субъектам порождает тенденцию к концентрации производства с дальнейшей специализацией производственных и управленческих функций. То есть рынок и конкуренция, развиваясь в соответствии с объективными экономическими закономерностями, создают, по сути, свою антитезу – антиконкурентное, монопольное состояние, которое в условиях глобализации экономических отношений генерирует новые специфические риски, угрожает разрастанию кризиса-катастрофы современной экономики. Одновременно эта ситуация актуализирует практическую значимость теоретических поисков перехода к «закатастрофному» состоянию социума и его хозяйства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Куренков, Ю. Конкурентоспособность России в мировой экономике [Текст] / Ю. Куренков, В. Попов // Вопросы экономики. – 2008. – № 6. – С. 36–49.
2. Киндзерский, Ю. Проблемы национальной конкурентоспособности и приоритеты национальной политики в Украине [Текст] / Ю. Киндзерский, Г. Паламарчук // Экономика Украины. – 2006. – № 8. – С. 19–29.
3. Галица, И. Конкуренция в условиях глобализации: новые аспекты [Текст] / И. Галица // Общество и экономика. – 2009. – № 1. – С. 40–44.
4. Семь приоритетов [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.expert.ru/2009/03/19/anikt/>. – Дата доступа: 19.03.2009.
5. Правительство Франции инвестирует 10,5 млрд. евро в крупные банки [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://news.finance.ua/ru/~1/10/other/2008/10/21/140733>. – Дата доступа: 21.10.2008.
6. CNNMoney.com's bailout tracker [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://money.cnn.com/news/storysupplement/economy/bailouttracker/>. – Дата доступа: 16.11.2009.
7. Б. Обама призвал сенаторов к проведению финансовой реформы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lenta.com.ua/582477.html>. – Дата доступа: 16.03.2010.
8. Высказывания А. Кудрина информационным агентствам на конференции «Россия и мир: вызовы нового десятилетия» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/news/227692/>. – Дата доступа: 25.01.2010.
9. Вебер о слишком больших, чтобы обанкротиться [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spekulant.ru/news/32527.html>. – Дата доступа: 27.05.2010.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПРАВОВОЙ СОБСТВЕННОСТИ В КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Стомпелева Екатерина Сергеевна

соискатель. Ярославский государственный технический университет,
кафедра экономической теории
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: stompeleva@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические проблемы исследования отношений корпоративной собственности. Предлагается различать и соотносить экономическое содержание и правовую форму отношений собственности. Это позволяет исследовать субъектов корпоративных отношений во взаимодействии их объективного экономического положения, функционально-хозяйственной роли и правового. Утверждается, что современное экономическое содержание акционерной собственности существует и действует в противоречии к ее правовой форме. Правовая форма способствует воспроизводству противоречивых и неэффективных корпоративных отношений, препятствует экономическому развитию корпоративного производства.

Ключевые слова: отношения собственности; корпоративные отношения; акционеры; наемный менеджмент; разделение собственности и управления; экономические интересы; эффективность общественного производства

Код УДК: 332.012.324

Annotation. In the article it is considered theoretical problems of research of property's corporate relations. It is offered to separate and correlate such definitions as economic content and legal form of property. This approach makes it possible to research the subjects of corporate relations in interaction in objective economic position, function-business role and legal status of them. It is supposed modern economical content of corporate property operates on the contrary to her legal form. That legal form promotes to reproduction of contradictory and inefficient corporate relations, it makes difficulties for economic development of corporate business.

Keywords: property's relations; corporate relations; corporate business; separation of ownership and control; shareholder; hired management; economical interests; efficiency of the social production

Как известно, на рубеже XIX-XX веков в крупных западных компаниях произошло разделение прав собственности и функции управления. Тем самым, роль хозяйствующего субъекта, предпринимательские функции организации и управления производством были переданы наемному менеджменту компаний. Именно он занял место главного функционера корпоративного производства, от действий которого во многом зависит судьба последнего, а в силу размеров корпоративного капитала – и судьба значительной части общественного производства.

Оценка места и роли наемного менеджмента в общественном производстве, а также рассмотрение его мотивов и объяснение экономического поведения является предметом экономических исследований с момента появления института наемных управляющих по настоящее время.

Первоначально считалось, что у наемных менеджеров нет никакого самостоятельного положения в системе отношений акционерной собственности: они находятся в подчинении собственников капитала и соответственно руководствуются в своей деятельности их интересам. Как отмечено Ф. Энгельсом в работе «Общественные классы – необходимые и излишние», написанной в 1881 году, положение наемных управляющих в акционерных обществах «в сущности, одинаково с положением привилегированных, лучше оплачиваемых рабочих» [1, с.297]. Однако такое положение управляющих соответствовало лишь времени написания указанной работы – периоду становления института управляющих акционерных предприятий в западных капиталистических экономиках.

Эволюция корпоративных отношений на протяжении XX века находит свое отражение в изменении экономического положения и ролей субъектов этих отношений, в функциональном содержании их участия в них. Происходит усиление роли и влияния в корпоративных организациях наемных управляющих, а трансформацию экономических функций собственников предприятий многие исследователи оценивают как постепенный переход их статуса в фирме от «владельцев» к «инвесторам», а затем к простым «бенефициариям» (выгодоприобретателям) [2].

Согласно исследованию особенностей акционерной собственности в США Адольфа А. Берле и Гардинера К. Минза «Современная корпорация и частная собственность», опубликованному в 1932 г., в 88-ти из 200 обследованных крупнейших нефинансовых корпораций (то есть в 44 % из них) вся власть принадлежит администрации [3].

Выводы указанных авторов о несоответствии действительного состояния корпоративных предприятий теоретическим представлениям о них послужили стимулом к дальнейшим исследованиям в этой области. Наиболее известное исследование проблемы контроля современных западных корпораций наемными управляющими было представлено в работе Дж. К. Гелбрейта «Экономические теории и цели общества». На сегодняшний день факт главенствующей роли наемного менеджмента в корпоративных отношениях подтвержден множеством исследований и является общепризнанным [4].

Таким образом, современная роль и функции менеджмента корпораций имеют существенное отличие от первоначальных. Качественный скачок экономического положения наемного менеджмента корпораций от уровня привилегированных работников до нынешнего – «хозяев» корпораций явился настолько значимым в капиталистических экономических отношениях, что был обозначен в западной литературе «революцией управляющих», сменой эпох господства интересов капиталистов-собственников интересами управляющих.

Со временем в исследованиях корпоративных отношений стало отмечаться, что наемный менеджмент руководит производством по-иному, нежели их предшественники собственники-предприниматели. Появлялись факты, убедительно доказывающие, что в своих решениях наемный менеджмент зачастую ставит собственные эгоистические интересы выше интересов акционеров и интересов общества, руководит производством не по-хозяйски, исходя из целей получения быстрой прибыли, а не развития компании.

Западные исследования поведения управляющих ведутся, как правило, на основе поведенческой экономической парадигмы, в рамках которой внимание уделяется различным факторам и степени их влияния на поведение наемного менеджмента. На этой же основе происходит выработка рекомендаций, призванных мотивировать менеджмент к действиям в интересах собственников компаний, а не к злоупотреблениям своими полномочиями. Среди наиболее распространенных мотивационных инструментов можно выделить получение менеджментом различных бонусов и премий по результатам деятельности компании, а также программы по привлечению менеджеров к участию в собственности на компанию.

Однако, на наш взгляд, исследование данной проблемы исключительно с позиции анализа

внешних факторов, влияющих (в том числе, потенциально) на экономическое поведение наемных управляющих, не позволяет вскрыть их подлинный экономический интерес как субъекта корпоративных отношений.

Ярким доказательством непрочности построенных поведенческих теорий наемных управляющих и предложенных ими инструментов мотивации служит череда корпоративных скандалов, начавшихся в США в 2001 году с дела о банкротстве крупнейшей энергетической компании «Enron». Здесь можно вспомнить и о крупнейшем в мировой финансовой практике обмане, когда в результате махинаций с данными учета генеральный директор Б. Эбберс искажил отчетность своей телекоммуникационной компании WorldCom на сумму в 11 млрд. долл. [5, с. 83].

Существенным моментом в этой истории является заинтересованность менеджеров компаний в искажениях учетной информации. Такие искажения приукрашивали положение дел в соответствующих компаниях, позволяли поддерживать цены их акций на высоком уровне, а это давало менеджерам возможность продавать акции, полученные благодаря фондовым опционам, по выгодной цене [там же, с.83-84]. Другими словами, опцион на покупку акций компаний, предоставленный управляющему в целях его привлечения к участию в собственности и призванный мотивировать к действиям в интересах собственников компаний, сыграл прямо противоположную роль и стал поводом к злоупотреблению менеджментом своим положением в компании.

Почему же механизмы, призванные мотивировать наемных управляющих на обеспечивающее интересы собственников экономическое поведение, на практике дают сбой? Является ли такое поведение наемных управляющих неожиданным, вызванным личностно-субъективными факторами, или оно связано с объективными причинами?

Ответить на данные вопросы, а также раскрыть должным образом экономический интерес и вызванное им поведение наемных управляющих позволяет, как нам представляется, политэкономический подход, основанный на исследовании интересов экономических субъектов исходя из сущности их экономического положения, роли и функций в сложившихся отношениях корпоративной собственности.

Рассмотрим экономические интересы менеджеров через призму анализа их функционально-экономического положения в них.

Как было отмечено выше, менеджмент выполняет в акционерных отношениях функцию хозяйствующего субъекта. На него как на управляющего производственным процессом возложена обязанность обеспечения не только технико-технологического воспроизводства, но и роль по воспроизводству существующих производственных отношений, в том числе отношений акционерной собственности, а, следовательно, и самой корпоративной системы, действующих социально-экономических отношений. С другой стороны, управляющие являются наемным персоналом, следовательно, они как персонификация наемного труда выполняют функцию наемной рабочей силы, в силу чего не заинтересованы в сохранении и воспроизводстве корпоративных отношений.

Противоречивость указанных функций менеджмента в отношениях акционерной собственности служит объективной причиной его оппортунистического поведения при реализации функций хозяйствующего субъекта, несобственнического, нехозяйского поведения в процессе управленческого труда.

Итак, на первый взгляд, представляется, что с точки зрения функций современных наемных управляющих в отношениях акционерной собственности их экономическая позиция и интересы объективно тяготеют к положению и интересам как собственников компаний, так и наемных работников.

Можно возразить, что простые наемные работники компаний также в конечном счете выполняют функцию по воспроизводству корпоративных отношений только потому, что они в качестве наемных работников заняты в производстве, а это является необходимым условием существования капиталистических корпоративных отношений. Поэтому с функциональной точки зрения экономическое положение и интересы наемного менеджмента ближе к положению и интересам остальных работников. Но проблема здесь состоит в том, что функциональная роль менеджеров в корпоративных отношениях не совпадает с положением в структуре отношений собственности, с взаимодействиями субъектов по поводу присвоения-отчуждения средств и результатов производства.

С точки зрения структуры отношений собственности управляющие, с одной стороны, как наемный персонал, отчуждены от юридической собственности на средства производства и его результаты. Следовательно, они как персонификация наемного, отчужденного труда не заинтересованы в результативном процессе труда. С другой стороны, фактически менеджер распоряжается предприятием и его капиталом, то есть занимает место хозяйствующего собственника. Вместе с тем, в интересе наемных управляющих проявляется противоречие не только с интересами формальных собственников-акционеров, но и с интересами рядовых наемных работников, а экономическое поведение отлично и от поведения первых, и от поведения вторых.

В действительности, в отношениях собственности необходимо различать юридические, хозяйственные и экономические отношения собственности. Подлинный экономический собственник помимо юридически закрепленных за ним прав собственности должен выполнять в отношениях собственности роль хозяйствующего субъекта, то есть субъекта, который принимает участие в производственной деятельности, в управлении и присвоении результатов этого производства. Только тогда и возникает реальный собственнический интерес и соответствующее ему заинтересованное в этой деятельности поведение.

Так, индивидуальная частная собственность, включая в себя юридические права и реальную хозяйственную собственность в отношении условий и результатов производства, обуславливала появление у предпринимателя реальной экономической собственности, свойственного ей собственнического экономического интереса и хозяйского поведения. При этом деятельность фирмы была юридически и фактически действиями предпринимателя, направленными на реализацию его частного интереса.

Экономическое же содержание акционерной собственности качественно иное. У нее множество правовых собственников – акционеров, есть хозяйствующий собственник в лице наемного управляющего, но эти субъекты не имеют ничего общего с реальным экономическим собственником, заинтересованным в эффективном развитии производства.

Отсутствие трудового участия акционера в хозяйственной деятельности обуславливает его соответствующие несобственнические экономические положение и интересы, которые не связаны с производством как таковым. В производственном поведении наемного работника без участия в правовых отношениях собственности и без реализации в процессе труда функций по управлению его условиями и присвоению его результатов продолжает доминировать отчуждение труда. Нет собственнического экономического мотива и у менеджеров акционерных компаний.

Наемный управляющий, наделенный хозяйственной властью в акционерных отношениях, «под напором» объективного экономического интереса будет стремиться к устранению своего отчуждения от правовой собственности. Но даже при правовом закреплении за ним статуса собственника он не станет реальным экономическим собственником компании наподобие смитианскому предпринимателю, который был заинтересован и стремился к эффективному хозяйствованию в фирме, а, тем самым, способствовал развитию общественного производства.

В силу асоциальной природы акционерной собственности, наличия множества собственников-акционеров, она не может стать индивидуальной частной собственностью и служить реализации одного частного интереса. Следовательно, и тогда интерес управляющего в корпоративных отношениях будет оставаться частным лично-имущественным интересом, слабо связанным с целями стратегического развития компании и с общим интересом роста общественного производства. Поэтому закрепление за наемным менеджментом правовой собственности лишь узаконит фактически существующее в корпоративных отношениях неэффективное для общественного производства положение дел.

Но развитие производительных сил неумолимо будет требовать адекватных им эффективных экономических отношений. Значит, такие корпоративные отношения объективно носят переходный характер, как и доминирующее в них экономическое положение управляющих. Потребности развития общественного производства потребуют эволюции корпоративных отношений в направлении изменения в них хозяйственно-экономических взаимоотношений субъектов.

С правовой стороны корпоративные организации призваны реализовывать общий интерес своих юридических ассоциированных собственников-акционеров. Фактически же в корпоративных отношениях преобладает частный эгоистический интерес наемных управляющих в силу его хозяйского положения в них. А экономически в корпоративных отношениях взаимодействует и противоборствует множество частных интересов, в которых единственно общее, на что объективно и должно быть направлено корпоративное производство – это развитие общественного производства.

Таким образом, современное экономическое содержание акционерной собственности существует и действует в противоречии к ее правовой форме. Более того, правовая форма препятствует экономическому развитию корпоративного производства, способствует воспроизводству противоречивых и неэффективных корпоративных отношений. Подлинным же назначением правовой оболочки собственности, на наш взгляд, должна являться государственная поддержка установления эффективных, с точки зрения общественного производства, экономических отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс, К. Сочинения [Текст] Т. 19 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. М. : Госполитиздат, 1961. – 702 с.
2. Nesteruk, J. Corporations, shareholders, and moral choice: A new perspective on corporate social responsibility / J. Nesteruk // Cincinnati Law Review. – 1989. – № 58. – P. 451–475.
3. Berle, A. The Modern Corporation and Private Property / A. Berle, G. Means. – N. Y. : Macmillan, 1932.
4. Гэлбрейт, Д. К. Экономические теории и цели общества [Текст] : пер. с англ. / Д. К. Гэлбрейт ; под общ. ред. и с предисл. Н. Н. Иноземцева, А. Г. Милейковского. – М. : Прогресс, 1979. – 406 с.
5. Бухвалов, А. В. Корпоративное управление как объект научных исследований [Текст] / А. В. Бухвалов // Российский журнал менеджмента. – Т.3. № 3. – 2005. – С. 81–96.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ХОЗЯЙСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ЭКОНОМИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Гордеев Валерий Александрович

доктор экономических наук, профессор. Ярославский государственный технический университет,
заведующий кафедрой экономической теории
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: vagordeev@rambler.ru

Аннотация. Автор рассматривает проблемы модернизации экономики РФ с позиции теоретической экономики. Обращено внимание на значение социальных инноваций как фактора успешного проведения модернизации российского хозяйства на основе «перенацеливания» экономических интересов основных групп социума.

Ключевые слова: модернизация; теоретическая экономика; социальные инновации; экономические интересы

Код УДК: 316.422.4

Annotation. The author examines the problems of the modernization Russian economy from the point of view of the theoretical economy. He pays attention to the value of social innovations as the factor of positive result of the modernization of the Russian economy. The author affirms, that this process will lead to the change of economic interests of the different social groups.

Keywords: modernization; theoretical economy; social innovations; economic interests

Выдвинутая президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым в его послании парламентскому собранию ещё в ноябре 2009 года задача модернизации страны, её экономики не вызывает сомнений в её необходимости ни «в первом приближении», ни с позиции глубоких теоретических исследований. Больше того: модернизация правомерно предстает как безальтернативная (ибо альтернатива ей только гибель страны, её экономики и населения) необходимость. Во-первых, в деле залечивания ран, нанесенных стране, её населению и хозяйству так называемыми реформами последних двух десятилетий, проведенных вопреки научным рекомендациям и урокам из мирового опыта, особенно развитых стран Запада и реформируемого Китая. Во-вторых, в деле прорыва человечества, в том числе населения нашей страны, и его хозяйства, в запостмодерновое состояние из сегодняшней ситуации мировой экономической катастрофы.

Однако объективная необходимость модернизации не может означать автоматического её выполнения без не просто активной роли субъективного фактора, а небывалого напряжения всех сил социума, направленных на такое выполнение. К сожалению, первый год после провозглашения указанной задачи пока не принес ощутимых ожидаемых сдвигов переворотного масштаба. Не видно всеобщего порыва россиян, сопоставимого, например, с модернизационным энтузиазмом масс в

в СССР в 1930-х годах и в Китае в настоящее время. Справедливой считаю критику лидером КПРФ Г.А. Зюгановым выделение правительством в бюджет 2010 года лишь 0,1% на осуществление модернизации, а затем продолжение такого же отношения при внесении проекта бюджета страны на 2011-2013 годы, поддержанного единороссовским большинством государственной думы. А значит, требуется теоретическое осмысление «тормозов» сегодняшней российской модернизации и поиск путей их нейтрализации или смягчения.

Особенно важным представляется экономический аспект названной проблемы. Причем не в узкоэкономическом плане (с позиции прибыльности), а с точки зрения теоретической экономики, то есть в широком социально-экономическом аспекте, с позиции социальной экономии, как это обосновывается, например, в статьях У.Ж. Алиева и П.С. Лемещенко в первом разделе данного журнала. С этих позиций представляется правомерным выдвинутое в литературе предложение о необходимости экономико-философского осмысления проблем модернизации, разработки и углубления современной экономической философии как особой формы общественного сознания, представляющей важный фактор реализации модернизационной задачи [1, с.32].

Ещё в апреле 2008 года на международной конференции в МГУ, посвящённой теме инноваций, в выступлении академика РАН С.Ю. Глазьева обстоятельно и достаточно аргументировано, на мой взгляд, было показано, что внутри страны есть две социально-демографические группы, которые выступают субъектами торможения инноваций: им и без инноваций хорошо. Это олигархи и чиновники. Данный вывод был затем признан и в выступлениях президента нашего государства [2]. А ведь речь идёт о самых влиятельных вообще в социуме группах. Мысленно подставим вместо термина «инновации» самую актуальную сегодня категорию «модернизация» и увидим, что отношение и к ней у упомянутых двух социальных групп то же самое - тормозяще-негативное по тем же самым причинам.

Как сделать, чтобы объективный интерес этих групп и его осознание ими перевернулись на 180 градусов и стали не тормозяще-негативными, а, наоборот, активно настроенными на максимальную реализацию задачи модернизации отечественной экономики? По этому вопросу немало копий было сломано в декабре 2008 года на конференции Центра общественных наук при МГУ совместно с Советом Федерации РФ, посвящённой проблеме элиты нашего общества. Однако вопросов тогда всё же осталось больше, чем ответов. И автор данных строк ограничился тогда упованием на то, что, поскольку модернизации альтернативы нет, кроме гибели государства и всего нашего социума, в том числе и олигархов с чиновниками, то последние просто по инстинкту самосохранения должны повести себя по-другому [3]. Наивно, конечно, получается: как будто от безысходности больше не на что надеяться, кроме как на чудо, благодаря которому волки неожиданно превратятся в невинных овецек. И все наши олигархи и чиновники направят все свои средства на общее дело модернизации. В том числе и средства чиновников от взяток, и миллиарды олигархов от не очень праведной приватизации.

Как-то в середине 2009 года я наткнулся в Интернете на обсуждение жалобы олигарха В. Потанина, обидевшегося на кризис, из-за которого у жалобщика вместо 19 млрд. долларов осталось только два, и он спрашивал, что же ему делать. Символично, что один из доброжелателей посоветовал пострадавшему срочно направить оба оставшиеся миллиарда на социальные нужды населения России и модернизацию её экономики, пока его самого не взорвали и не «размазали по стенам». Советчик, наверное, и сам считал свой совет утопичным. Но ведь, согласитесь, сама идея модернизации, выдвинутая в президентом РФ, требует именно такого логического продолжения.

Обоснованная еще в 1990-х годах академиком Д.С. Львовым идея о переносе акцента в налогообложении с труда на землю как факторы производства сегодня приобретает особенно острую актуальность. Следует заметить, что подступы к механизму реализации данной идеи, но применительно к проблеме «перевоспитания» другой социально-демографической группы – чиновничества –

намечены в прошлогоднем президентском послании федеральному собранию, где поставлена задача разработать нормативы определения эффективности работы чиновников, позволяющие объективно судить о степени профессиональной пригодности их, своевременно избавляться от непригодных. Однако провозглашение даже такой скромной задачи, к сожалению, не получило достойного продолжения в реализации её. Косвенное подтверждение такого неутешительного вывода можно, например, увидеть в красноречивом признании в СМИ начальника контрольного управления президентской администрации о том, что до объявления «строгостей» своевременно и полно осуществлялась лишь одна шестая распоряжений президента РФ, а после объявления – одна пятая! А значит, 80 процентов не находят своевременной и полной реализации и сейчас.

К этому следует добавить, что анализ правоприменительной практики, имеющийся в публикациях, убеждает в том, что наиболее типичная мера по отношению к нерадивым чиновникам – отстранение от должности. А то, что нерадивость их обернулась многомиллиардным ущербом для экономики страны и её населения, – остается, как правило, «за кадром», то есть о восполнении ущерба речь даже не ставится. И хотя эти многие миллиарды не наличествуют в официальных декларациях, но зачастую они очень даже наличествуют в качестве собственности ближних и дальних родственников нерадивого чиновника. Видимо, указание президента о нормативах для чиновников надо не просто жестко и неукоснительно выполнять, но и продолжить идею этого указания – добиваться полного возмещения ущерба от неэффективной, а тем более противоправной деятельности госслужащих.

Что касается перенесения указанного принципа на другую социально-демографическую группу – олигархов, – то представляется необходимым не уклоняться больше от общемировой практики прогрессивного налогообложения. В июле 2010 года на заседании государственной думы убедительные, по моему мнению, аргументы представил депутат А. Багаряков, показав, что даже увеличение с 13 до 20 процентов подоходного налога на миллиардеров способно сделать наш бюджет куда более дееспособным в деле финансирования модернизации и социальной политики, причем 97 процентов населения страны увеличение налога никак бы не коснулось. Убедительность предложений А. Багарякова была столь красноречива, что только политико-идеологической тенденциозностью можно объяснить непринятие думским большинством этих предложений (их автор не принадлежал к партии власти – «Единой России»). В этом смысле представляется недостаточно обоснованной и позиция главы правительства и министра финансов, утверждающих, что для прогрессивного налогообложения ещё не наступило время.

Заметим далее, что до сих пор речь была о двух группах. А ведь есть и третья: остальные, как их ни назови – народ, электорат или статистическая людская совокупность. Может, они-то, раз уж не олигархи с чиновниками, поголовно заряжены идеей модернизации и рвутся её выполнять, не щадя живота своего? Тысячи фактов, к сожалению, опровергают такое предположение. А ведь чтобы действительно реализовать модернизационный прорыв, требуется поистине всенародный порыв энтузиазма россиян. И олигархов, и чиновников, и «остальных». По поводу первых двух, как уже отмечено выше, в президентском послании справедливо говорится о конкуренции и конкурентоспособности, о необходимости выработки нормативных критериев оценки деятельности. Справедливо, но недостаточно, как мы видели, не выводит на необходимую системность, «закольцованность», а значит, надо здесь нам серьёзно додумывать научно. А о третьих так и вообще как-то осталось «за кадром». Между тем здесь речь о большинстве населения страны, и вопрос о выработке действенных стимулов, побуждающих их к модернизационному порыву и прорыву, приобретает исключительно важное значение.

В связи с этим предлагаю обратить внимание на результаты моих исследований хозяйственных отношений в экономике, подробнее всего опубликованные в монографии, изданной моим университетом совместно с Центром общественных наук и Философско-экономическим собранием МГУ [4].

Первое, что здесь, по-моему, важно, – сам факт создания новой политэкономической теории современной конкуренции и её развития, определяемой как производственное отношение предприятий, которое характеризуется объективным взаимодействием соперничества и сотрудничества с целью достижения наилучших индивидуальных и совместных результатов. Акцент внимания на предприятие был обусловлен тем, что именно здесь происходят главные трансформации в 20-21 вв. А именно: при укрупнении агентов в результате конкуренции их корыстный интерес толкает теперь не только к обострению конкурентной борьбы, но и к сотрудничеству, долговременным договорным связям, планомерности. В объективном взаимодействии двух противоположных тенденций состоит модификация современной конкуренции по сравнению с домонополистическим периодом «классического» рынка. При этом особенность авторского подхода проявилась в том, что каузальный, причинно-следственный принцип исследования, присущий классической методологии и применённый при изучении сущностно-содержательной стороны конкуренции, был дополнен принципом количественных, функциональных взаимозависимостей, присущим неоклассическому направлению и использованным в данном случае при структурной характеристике конкуренции со стороны её экономической формы.

Другой аспект заключается во введении в научный оборот в новом качестве категории «экономическое соревнование». Оно определено как производственное отношение между субъектами, объективно направленное на регулирование соотношения совместного и индивидуального результатов. Реализуется экономическое соревнование в таких направлениях, как состязательность индивидов в кооперированном труде и конкуренция предприятий в условиях рынка. Между этими двумя направлениями, несмотря на разные ареалы их применения (производство и обмен), существует объективная и диалектически противоречивая взаимосвязь.

Следующий важный для нашей темы элемент заключается в установлении того, что особенности двух направлений экономического соревнования и их эволюция в значительной степени определяют и развитие социально-экономических процессов, и теоретико-методологические основы научных исследований конкуренции. Помимо обобщения и модификации известных методологических принципов (плюрализм подходов, системный, сравнительный и многоуровневый анализ) разработаны и использованы новые. Ключевым из них стало обоснование объективного взаимодействия в динамике современной конкуренции двух противоположных сторон: соперничества и сотрудничества.

Кроме того, на основе осуществления системно-эволюционного, системно-структурного и системно-функционального анализа предмета раскрыта сущность конкуренции как конкретно-исторического направления общеисторических отношений экономического соревнования применительно к хозяйствующим субъектам в условиях рынка, как механизма реализации объективных экономических законов и производственных отношений.

Ещё один важный, на мой взгляд элемент проведённого исследования заключается в доказательстве того, что объективное взаимодействие двух противоположных сторон в современной конкуренции может проявляться в реальности в виде одной из следующих трёх ситуаций:

преобладание соперничества (в домонополистическом капитализме; между мелкими субъектами; при атомистическом рынке; при инновационных видах бизнеса);

преобладание сотрудничества (в экономике 20-21 вв.; между крупными субъектами; при олигополистическом рынке; при традиционных видах бизнеса);

баланс сотрудничества и соперничества (временное и неустойчивое состояние – до очередного изменения соотношения конкурентных возможностей субъектов).

Важный аспект проведённого исследования – установление, что отношения сотрудничества

как одна из взаимодействующих сторон современной конкуренции строятся на основе, во-первых, укрупнения субъектов и сокращения их количества в результате монополизации, развития транснациональных корпораций, интеграции, а во-вторых, международной кооперации капитала, долговременных договорных связей, планомерности. При этом в обоих случаях эти отношения носят объективный характер и вызваны объективной причиной – дополнительной выгодой для субъектов от реализации указанных процессов.

Следующий элемент проведённого исследования – обоснование того, что вторая из взаимодействующих сторон современной конкуренции – соперничество (обострение конкурентной борьбы) обусловлено, во-первых, усилением интенсивности конкурентных межкорпоративных конфликтов, а во-вторых, сохранением анклавов конкурентных отношений (например, в сфере малого бизнеса). Эти процессы тоже носят объективный характер и вызваны объективными причинами.

Наконец, существенный элемент заключается в выдвижении дополнительных аргументов для характеристики специфики эволюции конкурентных отношений в сегодняшней экономике РФ. Унаследование последней от советской экономики сверхконцерна, охватывающего всё народное хозяйство, а потом разрыв такой единой целостной общехозяйственной структуры не могли создать конкурентной среды. Специфика РФ заключается в объективном значительном опережении среднемировых темпов «угасания» конкуренции и усиления монополизма.

Таковы основные результаты проведённого исследования. Думаю, что их практическая значимость заключается в возможности использования, во-первых, в процессе дальнейшей разработки экономической теории конкуренции и трудовой состоятельности; во-вторых, в концептуальном обосновании макроэкономической политики по отношению к состязательным процессам, соответствующей современным условиям и задачам модернизации отечественной экономики; в-третьих, в обосновании целей и прогнозировании результатов социально-экономического развития вследствие динамики соревновательных отношений; в-четвёртых, в определении соревновательных факторов, которые должны стать объектом постоянного мониторинга и которые способствуют или препятствуют превращению экономики России в конкурентоспособную по меркам постиндустриального общества.

Из вывода о взаимодействии двух сторон в динамике современной конкуренции вытекают предложения для сегодняшней России, которые формулируются как планово- рыночная модель. Если реформы, основанные на абсолютизации неоклассического, либерального представления о восходящем развитии сегодняшней конкуренции, привели Россию к превращению в сырьевой придаток развитых стран, то предложенная модель, учитывающая взаимодействие обеих сторон в динамике современной конкуренции, предназначена для модернизации экономики страны, возвращения её в разряд развитых государств.

Вопреки внедрившейся в РФ практике, следует, чтобы именно государство стало главным субъектом, формирующим конкурентную среду и постоянно развивающим её в целях поддержания конкурентоспособности товаропроизводителей как на внутреннем, так и на внешних рынках. А главное – объединение усилий государства, менеджмента крупных предприятий и профсоюзов должно быть направлено на согласование цен, инвестиций и зарплаты на уровне народнохозяйственной сбалансированности. А в итоге – на остановку технического регресса экономики и начало модернизации производства. В отношении к развитию экономического соревнования государству надо не абсолютизировать значение антимонопольной политики, не ограничиваться только ею: следует возвратиться, например, к политике стимулирования трудовой состоятельности. В том числе и в частной сфере, где собственник-работодатель должен быть поставлен государством перед необходимостью обеспечить подлинно состязательные отношения участников кооперированного труда, направленные на повышение количества и качества результатов последнего и включающие товарищескую взаимопомощь как важнейшую составляющую.

В связи с этим актуализируется значимость социальных инноваций в макроэкономической политике государства и деятельности предприятий. Обычно социальные инновации определяются как такие новшества, которые направлены на обеспечение социальных потребностей: улучшение условий труда, развитие образования, здравоохранения и культуры. В рамках категорий и методологии философии хозяйства, наверное, только о социальных инновациях и можно говорить как направленных на возвращение общества и его хозяйства в русло, позволяющее человеку становиться действительно человеком. В моём выступлении на посвященной этим вопросам международной конференции в МГУ в апреле 2008 [5, с.62-66] был предложен методологический принцип плюрализма подходов к исследованию инноваций как экономической категории (аналогично проиллюстрированному в данной статье подходу к изучению экономического соревнования и его динамики).

Правда, с наступлением мирового кризиса стало привычнее говорить не о социальных инновациях, а об антикризисных мерах. А действительно ли несовместимы проблемы выхода из нынешней ситуации и реализации социальных инноваций? Как ни парадоксально, но социальные инновации, и только они, на мой взгляд, и могут выступить средством преодоления указанной ситуации.

Но, осмысливая, как привести в действие социальные инновации, чтобы они помогли человечеству перейти в запостмодерновое, по выражению Ю.М. Осипова [6, с.37], состояние, выведя из сегодняшнего апокалиптического мира, состояния катастрофы, прежде всего его, это сегодняшнее состояние, надо правильно назвать, ведь без точного диагноза весьма рискованно лечение. И тут следовало бы усомниться в столь распространённом в публицистике и многих научных публикациях наименовании сегодняшней ситуации словом «кризис». Ведь оно убаюкивает нас, ограничивая «угол зрения» лишь рамками теории цикличности, объективно реализуемой в экономике с рыночным механизмом или, оперируя терминологией формационного подхода, при капитализме. Но, пожалуй, правы, наряду с представителями концепции философии хозяйства, те авторы, которые говорят о коллапсе, о катастрофе всей сложившейся экономической системы западных стран и РФ [7]. А раз болезнь не так должна называться, то и лечение должно быть другое. Заслуживает внимания, например, в связи с этим точка зрения Г.И. Ханина и Д.А. Фомина [8], о том, что российскую экономику можно вывести из состояния катастрофы лишь возвращением к мобилизационной модели развития, повторением опыта сталинских пятилеток. И вот здесь вопреки шквалу пропагандистского шума о «гулагах», полезно увидеть, что именно по социальным инновациям перед войной 1941-1945 гг. и в послевоенные 1946-1953 гг. наша страна была лидером среди всех стран планеты. И только в таком качестве она может сегодня с помощью модернизации выйти на траекторию обгоняющего других развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Молчанов, К. В. Современные философско-экономические основы осмысления модернизации и ее аспектов в современной России [Текст] / К. В. Молчанов // Философия хозяйства : альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. – 2008. – № 3. – С. 27–42.
2. Медведев сообщил о провале модернизации экономики России [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2009/08/31/innovation/>. – Дата доступа: 31.08.2009.

3. Гордеев, В. А. Элитна ли наша элита? [Текст] / В. А. Гордеев // *Философия хозяйства: альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова*. 2008. – № 6. – С.54–58.
4. Гордеев, В. А. Конкуренция и ее развитие [Текст] : монография. – Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2008. – 299 с.
5. Гордеев, В. А. Об инновациях инновационно: что это значит? [Текст] / В. А. Гордеев // *Экономическая теория на пороге XXI века [Текст] : монография. Т. 7. Инновационная экономика / Академия гуманитарных наук ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Экономический факультет ; Санкт-Петербургский государственный университет, Экономический факультет ; под ред. Ю. М. Осипова [и др.]*. – М. : Краснодар, 2008. – С. 62–63.
6. Осипов, Ю. М. Философия хозяйства как достояние размышляющего человечества [Текст] / Ю. М. Осипов. – М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2008 – 48 с.
7. Кургинян, С. Кризис и другие о грозящей катастрофе [Текст] / Сергей Кургинян // *Завтра*. – 2009. – 11 февраля (№ 7).
8. Фомин, Д. А. Экономический кризис в России: причины и последствия [Текст] / Д. А. Фомин, Г. И. Ханин // *ЭКО*. – 2009. – №1. – С. 20–37.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

ГОРДЕЕВА В.А., КОРНЯКОВА В.И.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОБСТВЕННОСТИ

Бабаев Бронислав Дмитриевич

доктор экономических наук, профессор. Ивановский государственный университет,
заведующий кафедрой политэкономии
г. Иваново, Российская Федерация. E-mail: politeconom@rambler.ru

Авторы рецензируемой монографии, действительные члены Академии философии хозяйства и Философско-экономического учёного собрания МГУ им. М.В. Ломоносова, доктора экономических наук: заведующий кафедрой экономической теории Ярославского государственного технического университета В.А. Гордеев и профессор этой кафедры В.И. Корняков – представили в своей книге, на наш взгляд, принципиально новую концепцию теоретических основ собственности. В отличие от имеющих распространение работ по данной теме, отражающих неоклассический или институциональный взгляд на исследуемую категорию и посвящённых в основном юридическим формам проявления собственности, в предлагаемой книге акцентируется главное внимание на эндотерическом рассмотрении сущностно-содержательного аспекта изучаемого предмета. В качестве методологической базы такого рассмотрения авторы используют классическую политэкономия при анализе сущности собственности и в то же время не отбрасывают неоклассический и институциональный подходы, а отводят им место при описании форм проявления собственности. Таким образом, реализуется методологический принцип плюрализма и дополнительности исследовательских подходов, делается попытка целостного изучения предмета в единстве его содержания и формы.

Авторы показывают, что после превращения древнего «собирающего» присвоения (превращения людьми природных благ в свою жизнедеятельность) в присвоение трудовое последовало чрезвычайно длительное, медленное (обусловленное развитием орудий труда) многотысячелетнее превращение труда в силу, всё более зависящую в своих производительности-эффективности от личности субъекта труда. Экономическое содержание форм собственности состояло в исторически специфических способах ведения-приспособления процессов труда к объективно возможной-востребуемой (на данном этапе развития) трудовой «самости» работников. В современный период в развитом мире юридическим собственникам (вещественного достояния) всё яснее: главный ресурс производства – не власть над вещами, а то, как с ними манипулирует работник – собственнически, по-хозяйски, или отрешённо-отчуждённо. Правовая собственность сама по себе экономически беспомощна. Она «оживает» только тогда, когда венчается «включением» «хозяйскости» работников. Мера «экономичности» правовой собственности в современных условиях определяется тем, в какой степени, насколько полно и глубоко она пробуждает, актуализирует, возбуждает, усиливает в работниках на их рабочих местах глубоко сокрытый в них поисковый трудовой потенциал, их «хозяйскость». С этих позиций в книге проанализирован ряд современных форм собственности.

Важное место в анализируемой работе отведено выявлению противоречивого характера собственности в советский и современный период нашей страны. Авторы показывают, насколько широко распространённое правовое рассмотрение отношений собственности далеко от адекватного отражения её сущностно-содержательной стороны. Такой анализ требуется авторам, чтобы на основе изучения ретроспективы и сиюминутности найти пути исследования динамики отношений собственности в будущем социуме. Попытка произвести указанное исследование, сделанная авторами рассматриваемой монографии, на наш взгляд, заслуживает весьма положительной оценки.

Правда, нельзя не заметить, что нацеленность на будущее нередко приобретает небеспорные прогнозы и аргументы, да и обрисовано это будущее отношений собственности лишь в виде не очень чёткого «абриса». Но ведь надо иметь в виду сложность самого предмета исследования, а тем более прогнозирования динамики его будущих метаморфоз. Думается, отмеченный недостаток будет преодолеваться в процессе дальнейшей исследовательской работы авторов по такой важной и сложной проблеме экономической теории. Ведь нельзя не согласиться с авторами в их характеристике сложности исследуемой проблемы: «Концепция российских реформ 1990-х годов состояла в том, что замена якобы «ничьей» общественной собственности её противоположностью, частной, сразу придаст российской экономике требующиеся ей динамизм и эффективность (гремевшая тогда, но ныне никем не вспоминаемая программа «пятьсот дней»). Но реформаторы не видели «устройства», образования, в котором собственность непосредственно или через какие-то промежуточные звенья трансформировалась бы в ход, в успехи производства, не имели представления о различии между правовой и экономической собственностью и ограничились заменой прежнего государственного правового собственника новыми, частными, – тоже правовыми. Они, понятно, принялись превращать свалившиеся на них материальные ценности в деньги, распродавать предприятия, оборудование. Прекратили существование 70 тыс. предприятий. Более чем вдвое упало общественное производство, большинство ваучеризированного населения превратилось в бедных и нищих. Вывод несомненен. Реформаторы не овладели собственностью как общественным отношением, она «не далась» им. Ранее она «не далась» и руководству КПСС, – в постсталинское время советская экономика постепенно утрачивала свой динамизм. Она «не даётся» и развитым капиталистическим странам: их реальное экономическое развитие много ниже тех возможностей, которые заявляют их наличными ресурсами. Оказалось, что это только в иных наших научных книжках собственность столь понятна, а иногда даже и столь проста. Надо реагировать на суровые сигналы жизни, настраивать своё мышление на то, что в собственности до сих пор мало чего выяснено-открыто, что в ней тайн много больше, нежели принято полагать, что привычные некоторым авторам пути её исследования ведут в никуда и что необходимо предпринимать новые поиски, не укладывающиеся в уже проторенные дороги. И не надо чрезмерно бояться того, что это новое на первых порах может вызвать непринятие, отторжение. Это – весьма обычная и даже закономерная ситуация в науке, в жизни» [с. 5-6 рецензируемого издания]¹.

Вполне разделяем мнение, которое высказали ещё до выпуска рассматриваемой книги её первые рецензенты: доктор экономических наук, директор Ярославского филиала Всероссийского заочного финансово-экономического института Г.А. Родина, а также кафедра экономической теории Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского – о том, что материалы её могут представлять интерес для учёных, исследующих актуальные проблемы экономической теории, а также для органов государственной власти и управления, занимающихся решением практических задач по оптимизации макроэкономической политики.

Учитывая, что в ЯГТУ на инженерно-экономическом факультете изучается дисциплина «Теоретические основы собственности» (специальность «Менеджмент организации»), а учебники и

¹ Гордеев, В.А. Теоретические основы собственности [Текст] / В.А. Гордеев, В.И. Корняков: монография. – Ярославль-Москва : Изд-во ЯГТУ, 2009. – 77 с.

и учебные пособия по ней, к сожалению, пока отсутствуют, считаем правильным, что теоретические положения данной книги рекомендованы преподавателям и студентам для использования в учебной работе по указанной специальности. Кроме того, эти положения вполне резонно рекомендованы магистрантам (направление «Экономика», программы «Экономическая теория» и «Финансовая экономика») при изучении дисциплины «Формы собственности и их эффективность в современной экономике». В связи с этим в помощь студентам и магистрантам в книгу включены приложения, содержащие необходимые программно-методические материалы.

ШКОЛА ЖИЗНИ БЕЗЗАВЕТНОГО СЛУЖЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ

(К ЮБИЛЕЮ ДОКТОРА ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА МАРГАРИТЫ БЕРКОВИЧ)

Тяжов Анатолий Иванович

доктор экономических наук, профессор. Костромской государственный технический университет, заведующий кафедрой экономической теории, академик Российской академии естественных наук
г. Кострома, Российская Федерация. E-mail: eteor@kstu.edu.ru

Её судьба неотделима от жизни нашего отечества и костромской земли. Девочка Риточка, как ее ласково называл отец, родилась 3 ноября 1950 г. на Украине в семье военнослужащего Израиля Петровича Шульмана, который, будучи еще пионервожатым в Белорусском полесье, за несколько лет до начала Великой Отечественной войны был направлен обучаться на исторический факультет Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена и в первые дни блокады города на Неве добровольцем ушел на фронт в народное ополчение, имея, как аспирант, военную бронь. Война и тяжелейшие послевоенные годы не сломили волю И.П. Шульмана, офицера-фронтовика, продолжавшего военную службу в различных точках нашей страны и к тому времени имевшего молодую жену Брониславу Яковлевну и двух маленьких дочек, Яну и Маргариту. Вскоре в семье Шульманов появился третий ребёнок, мальчик Семён, получивший инженерное образование в «технологе», но впоследствии, как и отец, также стал историком, одаренным учителем, ныне преподающим в средней школе № 32 нашего города.

Тяга к познанию истины, творческому поиску и любовь к исторической науке предопределили дальнейшую судьбу И.П. Шульмана, который после успешной защиты кандидатской диссертации получил государственное распределение на должность преподавателя кафедры всеобщей истории Костромского государственного педагогического института (КГПИ) им. Н.А. Некрасова и, получив небольшую квартиру в доме преподавателей на ул. Кооперации, где в настоящее время расположен головной офис ОАО «Регионгаз», обосновался вместе со своим дружным семейством, быстро завоевав заслуженное признание среди коллег и студентов, как пытливый ученый и всесторонне эрудированный человек. Им Израиль Петрович оставался до последних дней своей жизни, имея за плечами солидный опыт работы в качестве первого проректора Костромского пединститута, декана и заведующего кафедрой всеобщей истории, активно участвующего в общественной жизни нашего города и области и долгие годы успешно возглавлявшего Костромскую городскую организацию Всесоюзного общества «Знание».

Его популярность как лектора-международника настолько была высока, что встречи с ним с нетерпением ждали и слушатели университета марксизма-ленинизма, и филиала Высшей партийной школы, и жители Костромской глубинки, и участники собраний партийно-хозяйственных активов практически всех районов нашей области. Израиль Петрович вкладывал свою щедрую душу во всех людей, с кем бы он ни общался, даже на улице. И эту одухотворенность он в первую очередь отдавал своей семье, своим детям и внукам, которым был беззаветно предан и бесконечно дорог.

Упорство отца и верность его семье, доброжелательность к людям и глубокая порядочность, душевная щедрость и личное обаяние позволили воспитать таких великолепных детей, которые не только прекрасно учились в школе, но и были любимцами как одноклассников, так и учителей. Особой одаренностью с детских лет отличалась Маргарита, преуспевавшая, как и поныне, во всех начинаниях, за которые бы она ни бралась и чаще всего сама же их инициировала. Увлеченность ее натуры проявлялась в занятиях фортепианной музыкой и бальными танцами, иностранным языком и математикой, историей и литературой. Она охотно посещала и музыкальную школу, и дворец пионеров, и детские спортивные секции. Рита успевала везде, и не просто успевала. Она делала все на «отлично». Общественным признанием ее первых заслуг стала золотая медаль, полученная при окончании средней школы №9. Перед ней были открыты двери лучших вузов страны, международных и дипломатических институтов. Но выбор пал на инженерно-экономический факультет Костромского технологического института (КТИ), в который она поступила в 1968 г. и окончила с красным дипломом в 1973 г., получив распределение на инженерную должность в научно-исследовательский сектор вуза и направление в аспирантуру.

В те годы в г. Костроме, как и во всей огромной стране, экономическая наука была на подъеме. Возникали новые направления экономической мысли, открывались научные центры и факультеты, расширялась и углублялась специализация экономической профессии. Инженерно-экономический факультет, готовящий экономистов высшей квалификации, главным образом, для легкой и текстильной промышленности, являлся сравнительно молодым структурным подразделением КТИ и нуждался в притоке новых научных кадров. В 60-е годы минувшего века с приходом в КТИ таких ученых-экономистов, как С.П. Сироткин, М.И. Скаржинский и А.В.Соловьев, в нашем городе была сформирована собственная экономическая школа, отличительной особенностью которой являлась гуманитарная направленность исследования социально-экономических проблем.

Во главу угла всех научных разработок был поставлен трудящийся человек как главная производительная сила общества. Вопросы кооперации работников в производственных коллективах исследовались в докторской диссертации (1970 г.) Сироткина Серафима Павловича, доктора экономических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки РФ, возглавлявшего кафедру политической экономии почти сорок лет, а в настоящее время находящегося на пенсии. Впервые в отечественной экономической науке доказывалось, что рынок и план могут быть комплементарными на уровне производственных коллективов, которые в единой кооперации совокупного труда общества создают продукт, обладающий как непосредственно-общественными, так и товарными свойствами, что обуславливает возможность для предприятий извлекать прибыль как источник собственных инвестиций.

Прорыв в экономическом мышлении, сделанный проф. С.П. Сироткиным, был связан с тем, что в те годы товарная форма продукта, создаваемого на советских (социалистических) предприятиях не признавалась ни в теории, ни в хозяйственной практике. А это значит, что возникающий на предприятиях избыток стоимости, представляющий собой прибыль как разницу между плановой ценой и реальными издержками, должен у них изыматься и поступать в бюджет государства. Таким образом, производственные коллективы предприятий, будучи товаропроизводителями, попадали в полную экономическую зависимость от центра, лишались самостоятельности для принятия стратегических управленческих решений и не имели возможности капитализировать прибыль по своему усмотрению, обновлять и расширять производство. Только в 1979 г. Правительство своим постановлением «О совершенствовании хозяйственного механизма» фактически признало идеи костромской экономической школы о двойственной природе (товарной и плановой) продукта в общественном производстве СССР и позволило оставлять часть прибыли в распоряжении производственных коллективов государственных предприятий, регламентировав, правда, пути ее дальнейшего использования.

Другое направление костромской школы экономистов связано с именем Матвея Исааковича Скаржинского, доктора экономических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки РФ, ныне покойного, который в начале 70-х годов минувшего века впервые в отечественной экономической науке поднял проблему труда в непроизводственной сфере и спроецировал свои исследования на инженерные кадры. Дело в том, что советская экономическая наука опиралась на марксистскую парадигму производительного труда, согласно которой таким трудом были заняты лица, работающие в общественном производстве и непосредственно создающие материальные блага – вещественные продукты. К ним относились только рабочие, к примеру, стоящие у станка и изготавливающие продукцию. Труд инженерно-технического персонала (ИТП), обслуживающий производственный процесс самих рабочих, конструирующий новую технику и совершенствующий технологию производства, производительным не признавался. С экономической точки зрения это означало, что ИТП не производил материальных благ, но участвовал в их распределении.

Его труд был как бы второстепенным делом и лишь повышал стоимость продукции, что, в принципе, отвечало интересам советской правящей элиты, объяснявшей очередную виток инфляции не низкими темпами научно-технического прогресса и технологической отсталостью производства в СССР, а опережающим ростом численности ИТП и всех работников непроизводственной сферы над ростом численности рабочего класса. За ним-то и закреплялась роль главной производительной силы общества.

М.И. Скаржинскому удалось обосновать, что любой вид общественно-полезной деятельности, тем более тот, который экономическим центром в плановом порядке уже изначально задан социалистическим предприятиям, предстает как неотъемлемая часть единой кооперации совокупного труда общества, и только уже поэтому является производительным трудом, причем неважно, осуществлялся ли он непосредственно в материальном производстве или в других сферах народного хозяйства. Главное, что инженерный труд не просто участвует в создании стоимости, а и способствует повышению производительной силы общественного труда, что, в свою очередь, ведёт к снижению издержек производства как необходимой экономической предпосылки сдерживания роста цен и преодоления инфляции.

Идея инженерного труда как производительной деятельности непроизводственной сферы в эпоху «железного занавеса» была воистину революционной для отечественной экономической мысли и вскоре нашла свое подтверждение, как только советские экономисты в годы так называемой гласности (конец 80-х годов XX столетия) открыли для себя неоклассическую теорию. В ней любая деятельность людей признается производительным трудом, если в ней задействованы экономические ресурсы.

Свой путь в экономической науке прокладывал Авенир Васильевич Соловьев, доктор экономических наук, профессор, ныне покойный, чьим именем названа ауд. 324 главного корпуса Костромского государственного технологического университета (КГТУ, а ранее – КТИ). А.В. Соловьев обогатил отечественную экономическую науку весьма дерзкой по тем временам идеей. Он расширил понятие общественно-необходимой интенсивности труда и поставил её в зависимость от индивидуального потенциала каждого работника, что предполагало проведение профотбора как процесса выявления психофизиологической предрасположенности (природных задатков) каждого индивида к тому или иному виду труда и профориентационной работы не только на социалистических предприятиях, но и в общеобразовательных школах. Значимым открытием А.В. Соловьева является объективный экономический закон соответствия уровня и специализации образования характеру и содержанию труда. Это открытие не утратило свою актуальность и в наши дни. Любой труд тогда эффективен, когда его квалификации и видовой специализации соответствует надлежащая профессиональная подготовка работника, что далеко не всегда соблюдается в российской действительности, но во многих индустриально развитых странах мира

носит статус юридической нормы, обязательной для исполнения всеми агентами рынка трудовых ресурсов.

Вряд ли тогда студенты инженерно-экономического факультета КТИ задумывались над тем, какие маститые ученые-экономисты им преподают. Но каждый студент был окружен духом неподдельной учености и впитывал воистину инновационные знания, пробуждающие стойкий познавательный интерес к экономической науке. Пожалуй, не было ни одного студента-экономиста, который бы не принимал активного участия в работе научных кружков, конференций или дискуссий. На них обсуждались самые острые и злободневные социально-экономические проблемы современности, как мирового, так и отечественного хозяйства.

Особой активностью отличалась студентка М. Шульман, которая уже на первом курсе заявила о себе как подлинный лидер, способный не только овладеть сложной системой экономических знаний, но и выступать в роли умелого организатора общественных дел и научно-исследовательских изысканий студентов. Этот природный дар Маргариты нельзя было спрятать или утаить. Он всегда вызывал большой общественный резонанс, как среди студентов, так и преподавателей. Ее пылкость ума и организаторская хватка в сочетании с высокой поведенческой культурой, всегда по достоинству оценивались и оцениваются людьми. Именно этот талант М. Шульман привел к тому, что она сразу получила приглашение обучаться в аспирантуре от многих профессоров, работающих в те годы на факультете. Особая инициатива исходила от проф. М.И. Скаржинского, который в итоге и выступил в роли научного руководителя, подготовившего М.И. Беркович (Шульман) к защите в специализированном совете по экономическим наукам, действующим тогда в КТИ под председательством проф. С.П. Сироткина.

Это был единственный в нашем регионе диссертационный совет по экономическим наукам. Требования к диссертациям в нем настолько были высокими, что аспиранты и соискатели без широкого научного обсуждения не решались выходить на защиту. Такое обсуждение состояло из нескольких этапов. Первое и самое бурное обсуждение исходного варианта диссертации, называемого в обиходе болванкой, проходило на выпускающей кафедре. Замечаний и вопросов по диссертации – бесчисленное множество. Их надо все учесть и устранить, если, конечно, они вписываются в контекст диссертационного исследования. Часто кафедра отправляла диссертацию на доработку, признавая ее лишь материалом к исследованию. В этом случае второй вариант диссертации также рьяно обсуждался, особенно молодыми учеными, конкурирующими за своё имя и место в науке. Иногда аспиранту приходилось менять или существенно корректировать тему и план диссертационной работы, что растягивало первый этап по времени. Возникали и семейные обстоятельства (супружество, рождение ребенка, болезнь и т.д.), затягивающие написание диссертации. Особенно труден исследовательский процесс, когда диссертация складывается на стыке разных специальностей одной науки.

Маргариту Израилевну всегда тянуло к фундаментальным исследованиям, требующим глубоких знаний экономической теории вообще и политической экономии в частности. В итоге, ее диссертационная работа под названием «Политико-экономическая сущность производительности труда и формы ее проявления в хозяйственном механизме развитого социалистического общества» была представлена на кафедру политической экономии как серьезный, теоретико-методологический труд, раскрывающий сложную взаимосвязь таких экономических понятий, как производительная сила труда, его интенсивность и производительность.

В хозяйственной практике, то есть на поверхности экономической действительности, используется понятие производительности труда. Она в плановом порядке рассчитывается и задается как норма выработки, норма времени, или же норма труда, приобретающая характер отдельного экономического показателя, который доводится до работников еще до их производственного процесса и широко применяется менеджерами в управлении трудом. Выбор этого показателя

зависит от форм организации труда на конкретных предприятиях. Или говоря языком неоклассики, выбор применения плановых показателей производительности труда исходит из комбинации факторов производства.

В кандидатской диссертации М.И. Беркович производительность труда имеет глубокие политико-экономические корни. Она дополняется интенсивностью труда, которая косвенно учитывается в показателях производительности труда, но ими полностью не охватывается. А это на практике означает, что плановые показатели производительности труда не могут учесть до конца индивидуальной динамики его интенсивности в конкретных производственных условиях и часть лично значимых усилий работников не получает должной общественной мотивации. Отсюда вырастает необходимость, с одной стороны, постоянного корректирования плановых показателей производительности труда, с другой стороны, персонального учета в самом производственном процессе динамики интенсивности труда с целью его эффективного стимулирования. Лучше всех эту задачу может выполнить сам трудовой коллектив, который должен принимать участие в принятии управленческих решений по выбору форм и ставок оплаты труда в соединении со стимулирующими надбавками и моральными поощрениями.

Этот теоретический вывод настолько въелся в сознание Маргариты Израилевны, что она, будучи уже руководителем крупного структурного подразделения КГТУ (деканом экономического факультета, а ныне директором института управления, экономики и финансов), постоянно применяет его на практике в процессе морального и материального стимулирования труда как преподавателей, так и студентов. Однако ее возможности в этом процессе весьма ограничены, как впрочем, и у руководителей других структурных подразделений и даже у ректората университета.

В кандидатской диссертации Маргариты Израилевны делается еще один важный практический вывод. Производительность и интенсивность труда исходят от его производительной силы. Каждый менеджер, занятый организацией труда, должен иметь в виду, что нельзя беспредельно повышать на практике плановые показатели производительности труда, а если и можно их повышать, то следует увеличивать оплату труда работников пропорционально этому росту, но с некоторым запаздывающим лагом. Иными словами, в хозяйственной практике (рыночной или административно-командной) требуется всегда соблюдать меру труда и меру потребления. Иначе возникнет необратимая ситуация избыточного износа рабочей силы человека, что ведет к его профессиональным заболеваниям и оппортунистическому поведению, проявляющемуся в отлынивании от работы.

И предотвратить этот процесс командными методами тотального контроля и экономических санкций не представляется возможным. Предприятие столкнется с текучкой кадров и со снижением их квалификационного уровня, что находит свое подтверждение в снижении качества производимой продукции, а в конечном итоге – в сворачивании её потребительского спроса, в необходимости снижения цен и в вытеснении предприятия с рынка его непосредственными конкурентами. Таким образом, кандидатская диссертация Маргариты Беркович не только внесла крупный вклад в развитие отечественной экономической мысли, но и не утратила свою актуальность в наши дни, хотя это серьезное научное исследование, носящее всеобщий экономический характер и имеющее важное значение для управленческой практики, до сих пор остается без должного внимания как ученых-экономистов, так и политиков.

И еще одна фундаментальная идея, содержащаяся в кандидатской диссертации М.И. Беркович. Производительность труда ею рассматривается как результирующий или итоговый экономический показатель, возникающий при завершении производственного процесса, уже осуществленного работником или первичным производственным и всем трудовым коллективом предприятия. В свою очередь, производительная сила труда, с которой каждый работник вступает в производственный процесс, находится в прямой зависимости от его продуктивности

(производительности) и в обратной зависимости от трудозатрат (интенсивности труда). Чем выше уровень производительной силы труда работника, тем с меньшей степенью интенсивности достигается заданная производительность труда. Но чем выше интенсивность труда, тем быстрее исчерпывается его производительная сила, которая характеризует личностный потенциал каждого работника. Позже идея личностного потенциала работника легла в основу выявления экономической сущности индивидуального трудового потенциала другими исследователями, в частности, автором этой статьи. Производительная сила труда задается в первую очередь уровнем квалификации работника. А он повышается с ростом профессионального образования людей, что предполагает его прижизненную непрерывность по мере исчерпания производительной силы труда. Сегодня идея непрерывного профессионального образования приобретает актуализированное звучание в связи с переходом российской экономики на инновационный путь развития.

Вернемся к общественным требованиям работы соискателя над диссертацией в 70-е годы прошедшего века. Обсуждение на втором этапе прохождения диссертации, который проходил в рамках методологического семинара ученых-экономистов при ОК КПСС, всегда было бурным, вызывающим острые дискуссии и полемику. Руководил семинаром проф. А. В. Соловьев, который своими колкими вопросами сам задавал тон дискуссии. Обычно он ставил перед аспирантом три вопроса по его диссертации.

Маргарита Израилевна неоднократно выступала на этом методологическом семинаре с докладами по теме диссертационного исследования. Ей задавалось масса сложных вопросов, делались острые критические замечания, и практически каждый раз она с достоинством на них реагировала. М.И. Беркович активно участвовала в обсуждении научных разработок других ученых-экономистов, причем не только на этом семинаре, но и на конференциях крупных научных центров нашей страны. Молодой ученый-экономист быстро сделался узнаваемым среди сравнительно широкого круга научной общественности, а с защитой в 1980 г. кандидатской диссертации получил заслуженное признание в науке и высокий преподавательский имидж. Он был подтвержден присвоением Маргарите Израилевне научно-педагогического звания доцента и по достоинству оценен ее назначением на должность зам. декана инженерно-экономического факультета КТИ. В 1989 г. М.И. Беркович по результатам тайного голосования избирается Ученым Советом КТИ деканом этого факультета, будучи выдвинутой на эту должность студентами. По её личной инициативе экономический факультет в 2005 г. приобретает статус института, входящего в состав университета.

Надо сказать, что в советский период, как и в настоящее время, полного единодушия в экономической среде ученых никогда не было, и быть не могло, несмотря на господство коммунистической идеологии в СССР. Острые дискуссии по сложным экономическим проблемам охватывали все научные конференции, симпозиумы, центральные и местные издания, периодическую печать. Каждый экономист хорошо понимал, что подавляющая часть советского народа по мере продвижения нашей страны по пути так называемого развитого социализма сталкивается с серьезными экономическими проблемами. В стране происходил постоянный рост цен на потребительские товары, их нарастающего дефицита. Стала общественной нормой высокая текучка рабочих кадров, особенно выбывание трудоспособной молодежи из сельского хозяйства. На предприятиях процветала уравниловка в оплате труда, его низкая мотивация и т.д. и т.п.

Советская статистика не могла утешить экономистов. Темпы экономического роста в стране неуклонно падали на фоне непрерывной корректировки планов и явных приписок. Страна резко тормозила в модернизации производства. Всё предвещало серьезные социально-экономические перемены, которых с нетерпением ждал советский народ. С приходом к власти М.С. Горбачёва, объявившего курс на ускорение социально-экономического развития СССР, в этом направлении больше говорилось, чем делалось. Постепенно тезис об ускорении был заменен идеей перестройки

нашей экономики и гласности в обществе. По существу речь шла о коренном изменении экономического мышления. Необходимость его трансформации в общественном сознании назревала по мере снижения уровня народного благосостояния на фоне его разительного подъема в других европейских странах, которые все чаще и чаще посещали советские люди по туристическим путевкам или в составе различных делегаций.

Политический конфликт народа с властью набирал обороты. В отличие от перестройки и ускорения, политика гласности давала свои позитивные результаты. Экономисты и все обществоведы столкнулись с нескончаемым потоком некогда запрещенной литературы, которая способствовала раскрепощению экономического мышления и формированию новых, весьма продуктивных идей. Еще до начала распада СССР экономисты заговорили о системном политико-экономическом кризисе в нашей стране и о необходимости замены административно-командной системы, в основу которой была заложена государственная или общенародная собственность на средства производства, рыночной системой хозяйствования, предполагающей наличие частной собственности. Она уже постепенно складывалась в недрах плановой экономики и, как только политической властью получила правовое признание, быстро трансформировала факторы производства в экономические ресурсы. Они и достались, за некоторым исключением, либо лицам, стоящим у власти, либо их родственникам, либо аферистам, умело воспользовавшимся ваучерной приватизацией.

Дискуссий об этой приватизации шел нескончаемый поток. Спорили все – от мала и до велика. Многие экономисты предвидели пагубные для экономики страны последствия такой приватизации. Но мало кто задумывался над тем, что причины этих последствий сидят гораздо глубже, чем предлагаемые правительством модели приватизации. Страна находилась в системном кризисе, охватывающем все российское общество, его экономику и политику, а главное – духовную жизнь советского народа, привыкшего к государственному патернализму и потерявшему надежду на коммунистическое будущее, упорно проповедуемое идеологами КПСС вплоть до её распада.

Идея системного кризиса легла в основу докторской диссертации Маргариты Израилевны, которая, как и многие российские экономисты, столкнулась с тем, что сформированная в общественном сознании советских людей марксистская парадигма не могла объяснить главных причин многих негативных социально-экономических процессов, а тем более, системного кризиса и заката «развитого социализма» в СССР. Ответы были найдены в неоклассической теории, которую предстояло не только изучить, но и глубоко переосмыслить. Это был период мучительных научных поисков, ломки старых представлений об экономической действительности, болезненного обновления прежнего мировоззрения и постепенного формирования рыночного мышления, которое еще воспринималось индивидуальным сознанием, как нечто чуждое, касающееся не нас, а их, живущих в капиталистическом обществе.

Упорство Маргариты Израилевны, присущее ей с детских лет, сравнительно быстро позволило овладеть высотами неоклассики и другими направлениями экономической теории, богатейшим арсеналом которых уже располагали ученые индустриально развитых стран мира. О своем пристрастии к свободному экономическому мышлению, открывшему ей путь в Вольное экономическое общество России, в котором она состоит с начала 90-х годов, а с 1996 года возглавляет его региональную организацию, открыто заявляла М.И. Беркович в своих научных статьях. В них содержались весомые результаты научных исследований по актуальным проблемам переходной экономики России. Эти статьи проложили дорогу к высотам докторской диссертации, написанной ею на тему «Отраслевой кризис в условиях макроэкономической дестабилизации» при научном консультировании проф. М.И. Скаржинским и успешно защищенной в Совете по защите докторских диссертаций при Ивановском государственном университете (ИвГУ) в 1998 году. Следует заметить, что докторское диссертационное исследование проводилось Маргаритой

Израилевной без отрыва от основной работы и общественной деятельности.

Прохождение диссертации в Совете на соискание докторской степени – ещё более сложный процесс, который не многие соискатели с успехом проходят. Если кандидатская степень присуждается за наличие у соискателя способностей самостоятельно заниматься разработкой научных проблем, то степень доктора наук подтверждает, что диссертант либо разработал авторскую концепцию, либо решил важную народнохозяйственную задачу. Докторской диссертации М.И. Беркович было присуще и тот, и другой признак. Диссертация защищалась по специальности 08.00.01 – Экономическая теория, но её результаты и выводы выходили далеко за рамки этой области исследования, что вызвало оживленную дискуссию среди членов диссертационного совета, которые, как и официальные оппоненты, отмечали, что диссертация органично сочетает глубокую проработку теоретического материала с его практической ориентацией.

Диссертационный совет по экономическим наукам при ИвГУ, наверное, старейший среди крупных научных центров нашей страны. В нем успешно защитили докторские диссертации многие костромские экономисты, с достоинством усвоившие ивановскую школу экономической мысли. Ее основателем по праву считается именитый отечественный ученый-экономист, доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой политической экономии ИвГУ Бронислав Дмитриевич Бабаев. Под его несменным руководством диссертационным советом проходят серьезные испытания соискатели кандидатских и докторских степеней. Он не только щепетильно требовательный к диссертационным исследованиям, но и умудренный научно-педагогическим опытом наставник соискателей, щедро отдающий им весь свой талант и богатейшие знания экономической науки. Пройти его школу не так легко, как представляется на первый взгляд. Каждая строчка диссертации подвергается проф. Б.Д. Бабаевым детальному анализу. Практически все диссертации им изучаются до мелочей. Но главное, что Бронислав Дмитриевич настолько эрудирован в экономической теории, что, пожалуй, не найти той экономической проблемы, о которой бы он не знал и не имел собственной точки зрения. Проф. Б.Д. Бабаев настолько увлечен экономикой, что возглавляемая им кафедра превращена в научно-исследовательскую лабораторию, в которую тянется молодежь и открывает для себя тайнства экономического мышления.

Не было случая, чтобы Маргарита Израилевна обошла молчанием личные заслуги проф. Б.Д. Бабаева, сыгравшего ощутимую роль в её становлении как ученого, имеющего сегодня собственную экономическую школу. Чтобы понять её значение для экономической науки, следует возвратиться к докторской диссертации проф. М. И. Беркович. Надо особо подчеркнуть, что Маргарита Израилевна всегда стремилась и до сих пор сохраняет свое стремление к познанию достаточно сложных социально-экономических процессов, которые без их динамики исследовать просто-напросто невозможно.

Хорошо известно, что любой из этих процессов, а тем более происходящий в крупных экономических системах, таких, например, как народное хозяйство отдельной страны, развивается циклически. Многие отечественные экономисты считают, что экономические циклы, особенно в капиталистическом хозяйстве, носят исключительно объективный характер, который нельзя не только предотвратить, но и точно предусмотреть. Одной из фаз экономического цикла является кризис, который, как правило, сопровождается депрессией или стагнацией в общественном производстве, охватывающей многие предприятия. Отсюда можно сделать пессимистическое предположение, что циклы и кризисы – практически не управляемые социально-экономические процессы и их надо просто-напросто переждать. Рыночная экономика автоматически сама возродит дремлющие в её недрах социальные силы, которые и выведут общественное производство на траекторию экономического роста. Забыв о китайском варианте эволюционного перехода к рыночной экономике, первое российское правительство, пришедшее к политической власти

после распада СССР, видело причины такого распада не в отсутствии умелого политического руководства страной, а в системном кризисе. Он, по убеждению идеологов первых рыночных реформ в России, неизбежно возникает в административно-командной системе хозяйствования. А раз так, то любые, самые непопулярные и скоропалительные действия высшего эшелона государственного управления можно морально оправдать. Но тогда возникает вполне справедливый вопрос: зачем вообще нужно правительство как орган государственного управления народным хозяйством страны, если рынок сам создаст мотивы к экономическому росту? Отсюда возникал весьма сомнительный вывод: чем меньше государство вмешивается в рыночную экономику, тем лучше в ней идут дела.

До сих пор государство в индустриально развитых странах мира настолько прочно «сидит» в рыночной экономике, что уже давно никто из серьезных ученых не помышляет, как бы его из нее убрать. Государство, вырастающее снизу – от муниципальных образований как самоуправляемых сообществ, хозяйствующих в рамках своей территории, и до центрального правительства, управляющего всем народным хозяйством страны, было, есть и даже в весьма отдаленной перспективе будет наиболее мощным политико-экономическим агентом, призванным играть по рыночным правилам и устанавливать деловые контакты не только с правительствами других стран, но и с частными фирмами. Уместно напомнить, что, не успев прийти к политической власти, первое российское правительство так называемых рыночников, невзирая на проповедуемую ими идеологию либеральных ценностей, якобы так необходимых новому экономическому мышлению, восстающему против государственного присутствия в рыночном хозяйстве любой страны, уже имело экономические связи с деловыми кругами Западной Европы и крупными корпорациями США.

Маргарита Израилевна в докторской диссертации на примере отраслевого кризиса заложила методологический фундамент экономической теории антикризисного управления, аргументированно, на основе привлечения крупного массива фактологической информации доказав, что каждое предприятие или отдельная отрасль общественного производства, как и вся национальная экономика, имеют специфические внутренние резервы для предотвращения кризиса. Требуется предусмотреть расширенное воспроизводство и обновление всех тех резервов, которые еще не востребованы рыночным хозяйством всей страны, частных фирм или же отдельных отраслей, но которые можно оперативно задействовать в процессе предотвращения намечающегося экономического спада. Эти резервы в докторской диссертации Маргариты Израилевны получили название антикризисного потенциала, которым располагают практически все предприятия, но в разной степени, что зависит, в частности, от отраслевой принадлежности бизнеса. В завершающей главе докторской диссертации М.И. Беркович разработаны и предложены теоретические модели эффективного управления антикризисным потенциалом предприятий легкой промышленности России.

Но антикризисный потенциал не ограничивается только рамками отдельных предприятий и даже национальных экономик. Идеологи первых рыночных реформ почему-то сочли отечественную экономику не конкурентоспособной, продукция которой будто бы окажется невостребованной мировым рынком. Теоретически такой методологический подход не выдерживает критики, если иметь в виду, что само понятие мирового рынка является обобщающей абстракцией, удобной для анализа глобальных экономических процессов, охватывающих многие страны или их политико-экономические сообщества, такие, например, как Евросоюз. Но этой абстракции в реальности не существует. Имеется рынок разных стран или их сообществ, равно как имеется национальная экономика различных государств, проводимых в международном сообществе свою экономическую и социальную политику.

Экономика каждой современной страны отличается в первую очередь уровнем индустриального

развития. Всем хорошо известно, что на рынке правят цены, которые слабо коррелируют с качеством производимой продукции. Если руководствоваться теорией сравнительных издержек Д. Риккардо, то вполне вероятно, что любая продукция может пользоваться спросом в одних странах и не быть востребованной в других странах. Правительство, слабо владеющее информацией о динамике спроса в различных странах мира и игнорирующее установление с их государствами достаточно прочных деловых контактов, открывающих выход отечественных предприятий на рынок этих государств, обречено не только на то, чтобы доказывать своему народу идею слабой конкурентоспособности производимой им продукции, но и ввергнуть народное хозяйство в очередной системный кризис. Он, как убедительно доказывает новая и новейшая история, приведет в движение такие общественные силы, которые сметут такое правительство и коренным образом преобразуют в стране существующую политико-экономическую систему.

Новейшие научные разработки профессора М.И. Беркович пропитаны идеей выхода промышленных предприятий и других частных фирм региональной экономики на страновые и межстрановые рынки различных государств и их политико-экономических союзов. Но этой идеей не ограничивается научный поиск Маргариты Израилевны. Вообще её замыслы пронизаны заботой о стабильном и прогрессирующем развитии регионального хозяйства как Костромской области, так и других субъектов Российской Федерации. Маргариту Израилевну, набравшую солидный опыт научного руководства аспирантами и соискателями, в буквальном смысле одолевает талантливая молодежь, которую она начинает приобщать к экономической науке уже со студенческой скамьи.

И плодovitость научно-педагогической деятельности проф. М.И. Беркович не перестает удивлять многих ученых. Она в течение многих лет возглавляла совет по защите экономических диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при КГТУ, а ныне является не только членом трех диссертационных советов, но и заместителем председателя объединенного регионального диссертационного совета, учрежденного двумя московскими вузами и КГТУ. Ежегодное издание нескольких монографий, учебных пособий, успешная защита диссертантов, научное руководство разработкой студенческих дипломных проектов, востребованных многими предприятиями региональной экономики, активное участие в различных научных сообществах и мероприятиях, публикации в центральных и университетских журналах – такова малая толика того, чем живет проф. М.И. Беркович. И это созданная за долгие годы воистину творческая школа жизни, всецело подчиненная экономической науке.

Не буду перечислять всех наград и титулов Маргариты Израилевны, однако следует отметить, что она одна из первых ученых-экономистов Костромской области удостоилась присвоения высокого звания академика Российской академии естественных наук (РАЕН) и отмечена государственной наградой - орденом Дружбы, подчеркивающим её глубокое уважение к людям, к любому человеку, будь это студент-первокурсник или же видный государственный деятель.

И, наконец, последнее, на что хотелось бы обратить внимание. В последние годы появились исследования, в которых доказывается, что любая наука по сути своей прагматично рассудочна и в этом смысле бездуховна, а значит, находится на более низкой ступени развития разума, чем метафизика, апеллирующая к сверхсознанию, очевидно, Богом избранных людей, исключительно одаренных и супер гениальных. Вспоминается идея Ф. Ницше о сверхчеловеке, образ которого открыл путь нацистским идеологам к обоснованию арийской расы и психофизиологического портрета ее величайшего вождя. Наука как человеческий процесс не только рассудочно рациональна, интеллектуально богата, но и эмоционально насыщена, если это, конечно, именно наука. В науке всегда рациональны ее результаты, а не сам процесс научного творчества. Интеллектуальное, пропитанное эмоциональным, неизбежно порождает в каждом человеке богатое духовное начало, которое начинает им управлять.

Если бы Вы видели, с какой эмоциональной трепетностью Маргарита Израилевна относится

к своим ученикам, как радуется их научным достижениям и как огорчает её пассивность студентов и аспирантов, с какой одухотворенностью она берется за разработку новых научных проектов, часто выполняя за других рутинную работу, как она кропотливо изучает диссертационные исследования и с каким неподдельным энтузиазмом пишет на них обстоятельно аргументированные отзывы, часто засиживаясь до позднего вечера в своем уютном кабинете, вряд ли бы у Вас возникла идея чистой рассудочности экономической науки, которой отдает весь свой талант и от которой с молодости сама одухотворяется, одухотворяя всех своих учеников, а во многих случаях и коллег, доктор экономических наук, профессор, Заслуженный работник Высшей Школы РФ **Маргарита Беркович**.